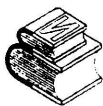

Александр Лешуков

Откровение

Вологда
1998

A. Neerup

О стихах Александра Лешукова

.. В стихах Александра Лешукова на первый взгляд особой новизны нету – обо всем этом уже много и хорошо написано разными поэтами. А он – представьте - будто бы и не видывал вовсе такого разнообразного поэтического сокровища. И знай, повторяет эти же темы как первооткрыватель. И в таких бесхитростных его повторах вдруг возникают щемящие интонации и токи, которые трогательнее даже самой изначальной новизны. В таких простодушных повторах вдруг вспыхивает еще одна глубина памяти. Оказывается и в повторах таится своя новизна, будто бы вспыхнувший свет нечаянной радости. В стихах и поэмах выручает Александра Лешукова его простодушное вдохновение, называемое наитием.

В первой книге его «Поцелуи наши отзвенели» (1994г.) есть хорошие стихи: «Приходи на мельницу», «Отшумели весенние грозы», «Что же происходит?» и другие. Теперь Александр Лешуков предстает перед читателями с новыми стихами. Он пытается возвыситься над горьким унынием нашей повседневности. И создает яркий поэтический сказ «Серебряная чаша» – о временах Киевской Руси, о любовных порывах боярыни Евпраксии. Однако, боль за Родину нашу, разоренную сегодняшними лихоимцами, сильнее и выразительнее, чем в лирических стихах, сказала в комедии А.М.Лешукова «Чертовщина». Это смелое и сильное произведение о нынешних дьявольских силах, разрушивших могучую Россию.

Александр РОМАНОВ

Тебе, читатель просвещенный,
На суд и милость отдаю
Мой стих, наитием рожденный,
И музу вольную мою,

Предмет свободных размышлений,
Мятежных дум, душевных мук,
Порывов страстных, увлечений
Под аритмичный сердца стук,

Проказ невинных, заблуждений;
Игру фантазии и слов
В часы летучих вдохновений
Былых досужих вечеров.

Уже за то, что согласился
Любезно книжицу раскрыть
И заглянуть в нее решился, -
Спешу тебя благодарить.

Ну, что ж, лиха беда начало.
А дальше – быть или не быть
Зависеть будет и немало –
Как ты изволишь рассудить.

Коль ты, солидный и почтенный,
Своим вниманьем одаришь, -
Меня за вольность изложений
Уж непременно побранишь,

Вздыхнешь и вспомнишь время оно,
Когда, по совести сказать,
Писали более достойно.
На что не смею возражать.

А если – ранний, но бывалый,
Пропахший солнцем и костром,
Видавший виды добрый малый –
Тебе устои нипочем.

Ни реверанса ты не знаешь,
Ни хитрость тонкую, ни лесть
И все вокруг воспринимаешь
Таким, каким оно и есть.

Ты и поспоришь откровенно,
И увлечешься невзначай,
И под гитару вдохновенно
Споешь куплет-другой. Валяй.

Коль – непорочная девица –
Найдешь здесь явный «пересол», -
Уместно будет застыдиться
И бросить книжицу на стол,

Но лишь затем, чтобы «случайно»,
Когда останешься одна,
Ее опять поднять и «тайно»
Допить всю «с пряностью» до дна.

А если ты поэт маститый,
То снизойди, не оскорбись.
А если – критик именитый –
Проигнорируй, отвернись.

Тебе ль пристойно утруждаться, -
Над тощей книжицей корпеть
Или блаженно забавляться, –
И я хотел бы уцелеть.

Таких ли ты собственноручно
И наставлял и укрощал
Или журил великодушно
И по-отечески прошал.

Однако следует, признаться,
И мне порядок уважать.
Мой крест – писать и защищаться,
А твой – ругать и поучать.

Итак, читатель благородный,
Кордон остался позади.
Горит зеленый – путь свободный.
Прошу покорнейше – входи.

За Шебунихой токуют глухари

За Шебунихой* токуют глухари,
Занялись еще до утренней зари.

Разбунилися взаллеб тетерева.
На Шебунихе высокая трава.

Ходят лошади, пасутся по лугам,
Разошлись, разбрелися здесь и там.

Где ты, Чалая, хитрюга-старина,
Ты опять, небось, отбилася одна?

Может, в ельник завалилась? Ну и пусть.
Я и там тебя найду, не побоюсь.

Чай, не маленький – уж скоро девять лет,
Да и в небе загорается рассвет.

Лишь присяду, вот, на парочку минут,
Ноги голые немного отойдут.

И за речку все равно перебреду,
Никуда ты не деваешься – найду.

Только Пашкину сегодня повезло, -
Лапти новые – и сухо, и тепло.

Ничего, как отвоюется, придет,
Тятя лапти лучше толькиных сплетет.

А не-то еще с Шебунихи он сам
Приводить Чалуху будет по утрам.

А сейчас и он, наверное, не спит, -
Из винтовки в неприятеля палит.

Слева зарево – там солнышко встает.
Справа зарево, - а там война идет.

* Шебуниха – название речки.

Между заревами, чуть наискосок,
И бежит седой Шебунихи поток.

Где ты, Чалая, шатаешься сейчас,
Я и хлебушка кусок тебе припас.

Вот уж с вечера за пазухой ношу,
Только сам еще немножко откушу.

За Шебунихой токуют глухари,
Занялись еще до утренней зари.

Разбубнилися взахлеб тетерева.
На Шебунихе высокая трава.

Приходи на мельницу

Приходи на мельницу
По тропе крутой.
Там туманы стелются
Белой пеленой.

Солнце там спускается
Прямо по горе.
Там заря купается
В розовой воде.

Щуки там зубатые
Жертву стерегут.
Там сомы усатые
В омуте живут.

За рекой курлыкают
Трубно журавли.
Там уныло хныкают
Филины вдали:

Кружатся усталые,
Стонут жернова.
В небе бледно-алые
Тают кружева.

У Егорки мельника
Все припасено:
Рыжики из ельника,
Доброе вино,

Мед хмельной, зайчатина,
Дивная уха,
Раки, медвежатина,
Птичьи потроха.

Ягоды отборные
В тусе стоят.
Там избушка черная
Лучше всех палат.

Ночью вам не встретится
Нам никто с тобой.
А хозяйин мельницы –
Парень в доску свой.

Никольская лирическая

Над Никольском занимается закат.
Как и десять, как и двадцать лет назад
Я знакомыми аллеями иду
В Городском, до боли памятном, Саду.

А в Саду всю шумит зеленый май.
На деревьях не смолкает птичий гай.
Сколько светится счастливых юных лиц
Статных молодцев и огненных девиц?!

Я волнуюсь, я растерянно гляжу.
Я кого-то подсознательно ищу,
Может, девочка с косичками вразлет
Из далекой школьной юности мелькнет?..

Танцплощадка по-над речкою гудит.
Радиола надрывается, звучит.
На площадке молодые голоса,
Взоры жаркие, влюбленные глаза.

С юга дует мимолетный ветерок,
Чуть заметно занимается восток.
Кружат пары, как и раньше, в тесноте.
Только музыка и девушки – не те.

Я волнуюсь, я растерянно гляжу.
Я кого-то подсознательно ищу,
Может, девочка с косичками врзлет
Из далекой школьной юности мелькнет?

До.пани

На сердце грусть. В душе сквозная рана.
Надсадно воев вьига за окном.
Сейчас часы пробьют с телеэкрана,
И Старый Год останется в быллом.

Горит свеча. Мерцает тускло пламя,
Дрожит над скромным праздничным столом.
Я здесь – на кресле стареньком, а память –
Витает там – в ушедшем дорогом.

Она летит, как раненая птица,
А я гоно: «Скорей, скорей, скорей!»
Навстречу ей – события и лица
Уже давно не виденных друзей.

...Свеча трещит. Крепчает голос вьиги.
Куранты бьют подряд двенадцать раз.
Беру бокал. «Ну, с Новым Годом, други!
Я пью за вас. Я думаю о вас!»

Никто к тосту не присоединился.
Не прогремел бокалов дружный гром.
Мой голос безответно растворился.
Рука повисла в воздухе пустом...

Поцелуи наши отзвенели

Не терзайся, милая, не надо,
Не вздыхай, не сетуй, позабуди,

Не бросай растерянного взгляда –
Прошлое обратно не вернуть.

Не тревожь улегшиеся раны,
Столько лет горевшие в груди,
И себя не мучай, бога ради,
И меня на милость пощади.

Не мечись ночами по постели,
Времени смиренно покорись.
Поцелуи наши отзвенели
И давно по ветру разнеслись.

И когда все было?! А, быть может,
Все, как есть, приснилось нам с тобой.
Пусть тебя он больше не тревожит –
Этот сон – мифической игрой.

Не терзайся, милая, не надо,
Не вздыхай, не сетуй, позабудь,
Не бросай растерянного взгляда –
Прошлое обратно не вернуть.

Отшумели весенние грозы

Отшумели весенние грозы
Над моей и твоей головой.
Улеглись наивные грезы,
Порастая, былинной травой.

Сколько лиц, сколько встреч позабыто,
Сколько пройдено трудных дорог,
Сколько счастья и слез пережито,
Сколько радости, сколько тревог.

Сколько мы, Сколько нас завлекали,
Изменяя, кляня и любя,
Сколько жадно тебя целовали
Сколько я целовал не тебя.

Сколько раз безоглядно бросалась
В роковые объятия ты,

Но и мне без обиды осталось
Горделивой твоей красоты.

Ни к кому, ни к чему не ревную,
И раскаянье сердце не жжет.
Вот опять я безумно целую
Эти полные груди вразлет.

Не напрасно и грозы шумели,
И весна не напрасно была,
Не напрасно мы жарко горели
И других пепелили дотла.

«Летят перелетные птицы...»

- «Летят перелетные птицы...» -
Задорно поет патефон.
И мы начинаем кружиться
В веселом фокстроте, а он:

- «Летят они в жаркие страны...» -
И руки сомкнулись мои
На талии гибкого стана,
Твои – мне на плечи легли,

А груди тугие уперлись
В мою возбужденную грудь,
И что-то в ней радостно сперлось,
И что-то мешает вздохнуть,

И нигинский* клуб полутемный
Волшебное что-то таит.
И взгляд твой рассеянный, томный
Без слов о любви говорит.

Дымится лампада на стенке.
Снуют мотыльки у огня.
И жгут из-под юбки колени
Под клешами током меня.

С каким наслаждением вдыхаю
Я запах дешевых духов,
И нежно тебя обнимаю,
И слиться с тобою готов.

«Летят перелетные птицы...»
Несется в осеннюю высь.
Дрожа, опустились ресницы.
Горячие губы сошлись.

Прокуренный зал покачнулся,
Поплыл из седой полутьмы.
Весь мир в небытье окунулся,
И только остались мы.

И лампа давно догорела.
Кобзон в патефоне допел.
Окно на восток посветлело,
И клуб уж давно опустел,

А нас будто в Лете купают:
Объял летаргический сон.
Лишь губы, как маки, пылают
Да бьются сердца в унисон.

Летят из-под Вологды птицы,
Призывно кричат надо мной.
А мне стало Нигино сниться,
И я возвращаюсь домой.

Ненаглядный мой

«Наконец со мной
Ненаглядный мой
И любовь моя,
И беда.

Ну, бери меня,
Ну, веди меня,
Ну, целуй меня,
Как всегда.

Насиделась я,
Натерпелась я,
Все одна, одна,
Все одна.

Ночи темные,
Дни ненастные,
Как невольница
У окна.

Мои губы жжет,
Мое сердце бьет,
Моя грудь горит,
Как в огне.

Что накупился,
Что потупился,
Что же ты стоишь
В стороне.

Подходи смелей,
Обними сильней,
Эта ночь твоя
И моя.

Почему молчишь,
Хмуро вниз глядишь?
Это я же, я,
Это я!

Иль в тени густой,
В этот час ночной
Ты любовь свою
Не узнал?

Иль от счастья ты
И от радости
Свою голову
Потерял?»

«Ты прости, прости,
Этот груз нести
Больше нет уже
Моих сил.

Сам не знаю как,
Знать, попутал враг,
Но другую я
Полобил.

Не верна она,
Холодна она,
Будто зимний день
Без огня.

Отняла покой,
Ледяной рукой
Сердце вынула
У меня».

Что ты, милая девочка, что ты,
Разве можно настолько всерьез
Отдаваться мечте без заботы,
До безумства, до боли, до слез.

Не вини, ты сама обманулась,
Я предлога тебе не давал,
На уставшую душу наткнулась,
Выбирая себе идеал.

И при встречах случайных не очень
Между нами искрился контакт.
Улыбнулся, - но так, между прочим,
И за плечи обнял – просто так.

Или ветер-проказник, играя,
Мой костер невзначай разбудил
И его, озорно раздувая,
Искру в сердце твое заронил?

И оно, будто факел, пылает,
И волнует, и светит, и жжет,
И тревожно в груди замирает,
И покоя тебе не дает.

Успокойся от ложных волнений
И стихийный огонь потуши.
Это признак благих заблуждений
И больной воспаленной души.

Что ты, милая девочка, что ты,
Разве можно настолько всерьез
Отдаваться мечте без заботы,
До безумства, до боли, до слез.

Рыбачка

Эй, ты! Блудная плутовка
Неизменной красоты!
И расчетливо и ловко
Заметнула сети ты.

Хитроплеты, тонкониты
Поджидают простаков.
В камышах коварно скрыты,
Зазевался – и готов.

Сколько в них перебивало
Тупорылых Карасей,
Толстолобиков немало
И солидных Усачей,

Забияк Ершей драчливых,
Благородных Осетров,
Толстобрюхих и ленивых
Оболваненных Сомов.

И другой немало рыбки
Заходило в камыши
Поневоле, по ошибке,
По призванию души.

Да! – в такие сети, право,
Мудрено не угодить –
И расставлены лукаво,
И цепка, и липка нить.

И приманка – просто чудо! –
Соблазнительно сладка,
И рыбачка полногруда,
Крутобедрa и гладка.

Долго я замороженный
За сетями наблюдал,
И, приманкой обольщенный,
В них нечаянно попал.

Не жалею, не вздыхаю,
Не кляню свою судьбу,
И приманку уплетаю,
И хозяйошку... люблю.

Расскажи, Саидахон, откуда
У тебя в глазах голубизна, -
Это неопознанное чудо,
Северно-озерное без дна?

Где взяла тяжелые, густые
Веера разметанных ресниц,
Косы светло-русые тугие
Скромных вологодских кружевниц.

Отчего ты пахнешь мятой дикой,
Что растет на северных лугах?
Твои губы тают земляничкой
На моих обкуренных губах.

Почему непрошенные вздохи
Грудь волнуют смуглую твою,
Как у той – за Вологдой на Лохе*,
Погубившей молодость свою?

Успокойся. Я не отступаю
И любовь за так не раздаю.
Исцелю всю, изобнимаю,
Да и сам, как свечка, догорю.

Ты не скажешь, Колька

Николаю Иванову

Ты не скажешь, Колька,
Откровенно только,
Где мы проморгали и когда?
Как же вышло это –
Прогудело лето,
И откуда дуют холода?

Только что звенели
Жаворонка трели,
Коростели щелкали во ржи,
Птицы улетели,
Пашни опустели,
Как так получается, скажи?

Где же затерялся,
Что же оборвался
Хромки разудалый перебор,
И по воскресеньям
С плясками и пеньем
Девки не выходят на угор?

Что за наважденье,
Перевоплощенье –
Прямо ухочешься до слез, -
Школьная подружка
Зинка-хохотушка
Стала словно мини-паровоз.

Горы стали круче,
Ниже стали тучи,
Будто подменили зеркала, -
Там такие рожи, -
Аж мороз по коже,
Лучше бы и мать не родила.

Ты не скажешь, Колька,
Откровенно только,
Где мы проморгали и когда?
Как же вышло это –
Прогудело лето,
И откуда дуют холода?

Это было в семьдесят девятом

Трудно мне рассказывать, ребята,
Ну, давайте выпьем, - и потом...
Это было в семьдесят девятом
В Ялте, в санатории одном.

Ох, друзья, была там крошка Нина!
Бог ее ли Дьявол ли создал.
В общем, ненаглядная картина,
В общем, совершенный идеал.

Господи, у этой недотрожки
Были васильковые глаза,
Боже мой, какие были ножки!
Впрочем, и другие телеса.

Грация! – Что спереди, что сзади.
Я же был неопытен и глуп.
Черти, ну, плесните ж, бога ради,
Грамм по пять – по шесть... на каждый зуб.

...Так. На чем я там остановился?..
Да, - судьба смеялась надо мной.
Я за ней, как призрак волочился,
Ну, а целовал ее другой.

Трудно мне рассказывать, ребята,
Колька! Наливай полней стакан.
Это было в семьдесят девятом.
Ялта. Крым. Курорт «Узбекистан».

Кипел прибой у скал прибрежных

Кипел прибой у скал прибрежных.
Летели брызги на причал.
В толпе подружек безмятежных
Ее в тот вечер повстречал.

Неотразима, бесподобна,
Затмивши все вокруг собой,
Она кокетливо, свободно
Играла дивной красотой.

Как ярким солнцем ослепленный –
Я каждый взгляд ее ловил,
А он, рассеянный и томный,
Мне ни о чем не говорил.

В ее словах, в ее движениях
Искал я, мучаясь, ответ,
Но в их искусных выраженьях
И было «да» и было «нет».

Ее каштановые плечи,
Ее беспечный разговор,
Хрустальный смех и южный вечер
Я вспоминаю до сих пор.

Прощальный вальс

О, Господи! Когда же это было?!
Но память сохранила навсегда
Прощальный вальс и сердце не забыло
Печальный взгляд и робкий шепот: «Да».

Как юны и доверчивы мы были
И как наивны в мыслях и делах.
Свою судьбу, казалось, ухватили
И жизнь держали в собственных руках.

Увы! Фортуна скоро изменила,
И все пошло как раз наоборот, -
Судьба сама нас за руки схватила,
А жизнь дала жестокий поворот.

Метало нас, как листья и кружило.
И годы, будто тучи, понеслись.
Земле и Небу так угодно было, -
Дороги наши больше не сошлись.

Но и сейчас вдруг эхом отзовется
Далекий вальс прощальный, и тогда
Больное сердце бурей всколыхнется, -
Я вижу Вас и снова слышу «да».

Что стоишь, изваяние?!
Проходи, проходи.
Неземное создание
Из греха и любви.

Сколько детской наивности
В чуть раскосых глазах
И искусной невинности
На капризных губах.

И сдобна, и податлива,
Будто телка, гладка,
Не горда, не задатлива,
И лукаво кротка.

Никому не обязана,
Не должна, не верна.
Ни к кому не привязана
И ничья экс-жена.

Похотливая, жгучая,
Проходи, проходи.
Исцелю, измучаю
И усну на груди.

Не забудь этот день, не забудь

Не забудь этот день, не забудь,
Ведь не часто такие бывают,
Что так сладко врезаются в грудь,
Что так нежно грустить заставляют.

Пусть запомнится он навсегда,
Пусть всплывает он снова и снова,
Чтобы ты никого, никогда
Целовать не смогла бы другого.

Не забудь этот день, не забудь.

Тихо ночь кружится

Тихо ночь кружится.
В доме тишина.
Только мне не спится –
Утром ждет Она.

И Она, быть может,
В этот поздний час
На кровати тоже
Не смыкает глаз

И, вздыхая нежно,
Грусти предалась,
Спит ли безмятежно,
Утомившись всласть?

Слушай, ночь, ну, слушай,
Хватит напевать,
Мне больную душу
Нечего мотать.

Пусть другой ласкает –
Это знаю я,
Только он не знает,
Что Она моя.

Завтра утром рано
Я чуть свет встаю,
Встречу у Капана
Милую свою

От прохожих тайно,
Трудно домекнуть –
Только не случайно
Наш скрестится путь.

Слышишь ты, ну, слышишь,
Вековая ночь,
Пусть сереют крыши,
Убирайся прочь!

* Капан – название площади.

Что так долго таешь,
Будто год, длинна?!
Иль не понимаешь –
Утром ждет Она.

Напрасно сердце ждет,
Напрасно сердце ищет
И плачет, и зовет,
И бурей грудь колышет,

Как птица взаперти
О клетку тщетно бьется,
Ее уж не найти,
Она не ответится,

И слезы, и мольбу
Не видит и не слышит.
...И горькую судьбу
Никто не перепишет.

Что же происходит?

Что же происходит?
Разобраться сложно, -
Душу беспокоит
Сладко и тревожно.

Разлилась истома
С головы до пяток.
Не сидится дома, -
Тянет все куда-то.

По ночам не спится
В скомканной постели, -
Не дают забыться
Звонкие капли.

Вся земля в потугах,
Будто роженица.
В прошлогодних клумбах
Старый снег дымится.

Малые былинки
Всюду прорастают
И бетон тропинки
Невзначай взрывают.

В поле у березки
Солнце соки будит,
Напились почки,
Как у девки груди.

Лес за речкой ожил,
Птицы ошалели, -
Не стыдись прохожих
О любви запели.

Я не таю к себе презренья

Я не таю к себе презренья
За то, что к Вам дерзнул писать,
Но я не мог от искушенья
Себя в тот вечер удержать.

А ночью, после карнавала
Я долго глаз сомкнуть не мог,
В ушах все музыка звучала
И Ваш веселый голосок.

Когда же ночь меня сломила,
Во сне я видел карнавал
И Вас, прелестная Людмила,
И будто с Вами танцевал.

Проснусь и вновь глаза смыкаю,
Чтоб это дольше снилось мне, -
Ведь с Вами близко так бываю
Я только изредка во сне,

Да во дворе, в кровати шаткой,
Когда с газетою лежу
И, незамеченный, украдкой
За Вами издали слежу.

Пишу. Какую цель имею?
Должны Вы правильно понять.
Я и не вправе, и не смею
От Вас чего-то больше ждать.

Мне двадцать пять уже в итоге,
А Вам же нету двадцати.
Вы лишь у жизни на пороге,
А я – давно уже в пути.

Я не брожу за Вами следом, -
Судьба столкнула поздно нас.
Пусть Вам останусь лишь соседом
И буду часто видеть Вас.

С Новым годом!

С Новым годом, милая Татьяна!
Счастья Вам и столько светлых дней,
Сколько звезд на небе Намангана,
Сколько в окнах праздничных огней.

А еще я Вам желаю очень,
Чтобы все доподлинно сбылось,
От чего весною в полуночи
Так приятно часто не спалось.

Что ты плачешь, моя неутешная

Что ты плачешь, моя неутешная,
Я тебя никому не отдам.
Эта ночь, и святая, и грешная,
За страданья отпущена нам.

Подымися с коленей на ноженьки,
С покаяньем святых не моли.
Это нас обманули безбожники
И тебя у меня увели.

Не рыдай, моя радость тревожная.
Нас не скоро найдешь и возьмешь.
Ночь темна и защита надежная:
Сам Господь и охотничий нож.

Твои слезы невинные высушу
Поцелуями жаркими я.
Как тоскую, как мучаюсь, выкажу,
Как люблю, обожаю тебя.

Улыбнися, как раньше, доверчиво.
Я к груди твоей нежно прижмусь
И любовью, в захлеб, опрометчиво,
Будто сладким вином упоюсь.

Буду слушать твой шепот таинственный,
Умиления и слез не тая:
«Милый мой... Ненаглядный... Единственный!
Я люблю... Я навеки твоя!»

Успокойся, моя неутешная,
Я тебя никому не отдам.
Эта ночь, и святая, и грешная,
За страдания отпущена нам.

Итак, любовь!

Когда мы пьем, когда вино шальное
Стучит в висках, в груди волнует кровь,
Ты каждый раз глаголешь: «Что такое?»
И – «Есть ли настоящая любовь?»

Смешной философ. Да спроси любого:
«Какие в летний полдень небеса?»
И каждый скажет: «Цвета голубого,
Пока не накатила гроза».

А вот незрячий «достоверно» знает,
Что это просто шутят господа.
Такого цвета вовсе не бывает.
А небо? Небо - черное всегда.

Так кто из них арапа заправляет?
Поверь им – оба не кривят душой.
Налей по малой – очень помогает
От всех сомнений, «Гегель» молодой.

Итак, любовь! – Случается, - бывает, -
Она непостижима, как вино.
Одних безумным счастьем опьяняет, -
Другим несет страдание одно.

А третьих, (к счастью, их совсем немного),
Обходит, не касаясь, она.
Их жизнь однообразна и убога, -
Без страсти, вдохновенья и вина.

Лишь ты вот исключенье составляешь,
Мечтатель, неприкаянный чудак.
Любовь, как видно, смутно представляешь,
А выпить, - прямо скажем, не дурак.

Пардон, «старик», увлекся я немножко.
Довольно философии и слов.
Плесни еще живительного трошки
И выпьем за коварную любовь.

Соловей

О, ты! Певец неутомный,
Кому свой голос подаешь?
Какою страстью упоенный
Всю ночь неистово поешь?

Зарю ли славить золотую,
Судьбу ли ты благодаришь?
Весну ли вечно молодую
И буйный лес боготворишь?

Или раздолье восхваляешь
И этот девственный ручей?
Или подругу прославляешь,
Что бережет твоих детей?

Или друзьям на удивленье,
Или врагам наперекор,
Свое искусство и умение
Являешь, баловень аврор?

Или восторгом пламеня
И песни вольные любя,

Без всяких замыслов, затем
Поешь, счастливец, для себя?

И все рапсодии ночные
Вдали от людного жилья,
И свист, и трели рассыпные,
Быть может, слышу только я?

И здесь стою,дохнуть не смею,
Боюсь мгновение спугнуть,
И, как дитя, благоговею,
И каждый звук волнует грудь?

В твоих ладах, Певец извечный,
Мои мотивы узнаю.
Я так же вольно и беспечно
Свои «рапсодии» пою.

И знать не знаю – кто их слышит
И хвалит их или бранит.
И лишь душа стихией дышит,
И сердце пламенем горит.

Но, видит Бог, дерзнуть не смею –
Равняться с музою твоей.
И голос мой куда слабее,
И песни грешные тусклей.

Послание Жикольку

Музе Вячеславне, моей учительнице.

Привет тебе, привет от друга,
Свидетель юношеских лет.
Привет твоей прохладе Юга*
Из края знойного, привет.

Куда бы мы ни улетали,
Спеша догнать свои мечты,
Пускай лежат меж нами дали,
И все же очень близок ты.

* Юг – название реки

Всечасно, лишь глаза закрою,
Я предаюсь стихии грез,
И слышу лепет над собою
Твоих приветливых берез.

Под этим небом я родился,
Увидел свет и начал жить,
Житейским мудростям учился:
Пахать, и строить, и любить.

А в первой школе незабвенной
Меня учили познавать
Законы строгие вселенной,
И ямб с хореем различать.

Впервые муза посетила
Меня беспечного тогда
И жизнь спокойную смутила
Мою, как видно, навсегда.

Здесь все впервые: вздохи, встречи,
Любовь, разлука, слезы, грусть,
Признанья, глазки, губки, плечи...
Да ты все знаешь наизусть.

Сейчас, когда небрежно льется
За рифмой рифма чередой,
Моя душа до боли рвется,
В надежде встретиться с тобой.

О, вы! Надежды и желанья,
Что миражи среди песков...
И все ж надеюсь. До свиданья.
С любовью нежной

Лешуков.

Николаю Иванову

Спасибо, друг, спасибо. Узнаю
Твою святую искренность, приятель,
И похвалу нехитрую твою,
Ревнивый мой, наивный почитатель.

Но только ты, дружище, извини,
(Хотя твое раденье понимаю),
Меня напрасно шибко не брани,
Что я стихи в печать не посылаю.

Там высокоидейные нужны
В стандартной, современной упаковке.
Мои же старомодны и вольны,
Прямоугольны и не очень ловки.

А если их подладить, обтесать,
Как ты велишь, да как коней стреножить, -
Куда-то можно будет и послать,
Да и пристроить где-то их, быть может.

Но ведь тогда их будет не узнать, -
Коли поддаться нам самообману.
Ты первый перестанешь их читать,
Да я и сам тогда не Сашка стану.

Сердцу моему

Ну, что, допело, добесилось?!
Дошли, похоже, до черты.
Уж слишком яростно и билось,
И неумно было ты.

Твои желанья, что лавины,
Всю жизнь бурлили через край.
Ты не терпело половины, -
Тебе все сразу подавай.

В каких сетях ни побывало
По дикой алчности своей
И сколько раз ты попадало
Меж двух и более огней.

Да и доньне бы дурило,
Не озираясь на лета,
Когда бы жизнь не предьявила
Непогашенные счета.

Сейчас, когда в палате 10
Тебя врачуют доктора,

Пора обдумать все и взвесить,
И сделать выводы пора.

Сигнал тревожный, и должно ты
Его, безумное понять,
И сбавить малость обороты –
Хотя бы герц на двадцать пять.

Больное сердце не согласно,
Не убедил шальное я.
Оно рассудку не подвластно.
Оно само себе судья.

Ну, что же! В зареве заката
Еще пылающей зари
Вечерним пламенем объято
Гори, упрямое, гори!

Колька Лукшин

Колька Лукшин – парень был известный
Не сравнишь с какой-то шантрапой,
Вежливый, веселый, интересный,
Видный, привлекательный собой.

Из друзей заметно выделялся
Удалю и силой не в пример.
Строго по-джентльменски одевался –
Колька был галантный кавалер.

На работе – главный закоперщик
И во всем колхозе – образец.
Он и лесоруб, и серогонщик,
Пахарь, и строитель, и кузнец.

А когда в руках его сверкала
В девять рук с подпятником коса, -
На лугу, как просека, зияла
Метра на три с гаком полоса.

В праздники и прочие пирушки
Колька от души плясал и пел.
Пил, как полагается, по-русски,
Только не по-русски не пьянел.

В девушек влюблялся вдохновенно,
А красавиц просто обожал.
И они гордились откровенно,
Если Колька Лукшин провожал.

Женщинам и старшим – поклонялся,
Маленьких и слабых – защищал.
Сильных – уважал, но не боялся.
За обиду – спуску не давал.

Не бузил, но и не уклонялся,
Если кто-то шел «на абордаж».
... Всяк о нем душевно отзывался:
«Колька Лукшин – это парень наш».

Жизнь его, как молния, блеснула, -
Слишком мало сокол полетал.
Вздрогнуло в засаде подло дуло, -
Колька покачнулся и упал.

Гнев и боль народа по округе
Прокатились тучей грозовой.
Плакали друзья его, подруги,
Плакали и малый и большой.

Всем приходом Кольку хоронили.
Гроб его несли на головах.
А когда в могилу опустили, -
Лукша поседела на глазах.

До сих пор в селениях окрестных
Спросите, - ответит вам любой:
«Колька Лукшин – парень был известный, -
Не сравнишь с какой-то шантрапой».

Слушай, Никола, слушай! –
Мне тяжело.
Что-то сдавило душу,
Глотку свело.

Больно смотреть обратно,
Страшно – вперед.

А жизнь безвозвратно
Мимо идет.

Мимо. А я ни с места.
Да что со мной?!
И ни борьбы, ни протеста,
Ни крика «стой».

Хватит! Настало время
Моей судьбы.
Ногу в стальное стремя, -
Жизнь – на дыбы.

Прощай

Прощай. Без слез, без сожаленья
Тебе я руку подаю.
С таким же чувством, нет сомненья,
И ты протянешь мне свою.

Уже давно туман сгушался,
А наша лодка течь дала.
И я в тебе не разобрался,
И ты меня не поняла.

Осень

Навевает осень
Грустные мотивы.
Опустили косы
Над прудами ивы.

Желтый, опаленный
Лист на воду мечут,
Обнажая кроны,
Будто милой плечи.

И, как милой очи,
Небеса намокли,
Опустились очень,
Выцвели, поблекли.

По туманной сини
Улетели птицы.

Поредел осинник,
Как ее ресницы.

За окном узорным
Красная калина
В пламени холодном
Гроздь раскалила.

Щедро осень мажет
Белыми мазками,
Над моими машет
И ее висками.

Колкий снег кружится,
Леденеют лужи.
Не уйти, не скрыться
От осенней стужи.

Стынет, студенеет
Под горою речка.
И ничто не греет –
Ни вино, ни печка.

Стелется поземка.
Зябко ветер бьется.
Вот уж по задворкам
И зима крадется.

В это м... только Вечер виноват

«Я не плачу, я совсем не плачу.
Это так... От дыма сигарет.
Прямо никуда глаза не спрячу.
Видишь, от него спасенья нет».

«Вижу, милый, вижу. Жаль какая!
Только сигареты не горят.
Да и сигаретница пустая.
И окно открыто на закат».

«Значит брызги жгучие попали
В очи от шампанского вина».

«Но едва ли, милый мой, едва ли, -
Все бокалы выпиты до дна».

«Ну, так может, в полое окошко
Ветер-озорник заворотил,
Покружил по комнате немножко
И мои зеницы запыллил?»

«Может, ну, конечно, милый может.
Но, недавно кончилась гроза.
Ветер даже шторы не тревожит.
Воздух чист, и ясны небеса».

«Все равно я, милая, не плачу.
Видимо... пурпуровый Закат?..»
«Верно, милый, верно, не иначе
В этом... только Вечер виноват».

По тебе я скучаю, дом отчий

По тебе я скучаю, дом отчий.
Не уютно отшельником жить.
Но люблю я в часы полуночи
О родимых полях погрузить.

В одиночестве снова проснулся
Рифмы буйной неслаженный рой.
И опять я в стихи окунулся
Бесшабашной своей головой.

Первый стих, помещенный в газету,
Не на шутку меня захватил.
Ну, а если уж буду поэтом, –
Расплещу свою душу и пыл.

Маме

Я знаю, - в горенке своей
Ты утомилась ждать,
А я пришел на пару дней
И ухожу опять.

Прости, но кто же усидит?!
Кого удержит дом?!

Когда клокочет, и кипит,
И бьется жизнь кругом?

На свете очень много дел,
И все они не ждут,
Того, кто дерзок, молод, смел,
Они вперед зовут.

Одни сдвигают цепи гор,
Шагают в глубь веков,
Вступают с бездной моря в спор
И тайнами миров.

Вздымают степи. Варят сталь.
И там – в глухой дали
Ведут стальную магистраль
На самый край Земли.

Другим дано корабль вести
В космическую высь.
И у меня свои пути.
До встречи. Не сердись.

Я знаю, - в горенке своей
Ты утомилась ждать,
А я пришел на пару дней
И ухожу опять.

То-то, не видать его давно
(шутка)

Как-то раз на Конева в пивнушке,
(Где базар Никольский – «долгострой»)
Два верзилы вмазали по кружке
И вели беседу меж собой.

«Знаешь, друг, скажу тебе по чести,
В общем, от тебя секретов нет,
Прошлый раз на этом самом месте
Пил со мной известнейший поэт.

* Конева – название улицы в г. Никольске.

Я сижу вот так, совсем не пьяный, -
Кружки две с прицепом саданул,
Глядь!.. Сам Пушкин с Лариной Татьяной, -
От Наталки, видно, сиганул.

И ко мне. Подходят. «Здравствуй, Ваня».
Я: «Привет. Садитесь. Очень рад».
Сам кричу буфетчице: «Эй, Маня!
Нам – по двести, даме – лимонад».

«Хватит гнуть, - прервал приятель, - баста!
Э, куда с похмелья понесло.
Пушкин умер. Лет уж... полтора
С той поры трагической прошло».

«Сколько, сколько?! Лет уж полтора?..
То-то, не видать его давно,
Да и Танька снова стала шастать
С этим... Ленским фраером в кино».

«Пресвятой отец»

По дворам, по огородам
Целый день метет
Вдоль деревни по сугробам
Батюшка идет.

Он рукой лениво водит
С золотым крестом
И с молитвою заходит
В каждый божий дом.

«Отче наш...» – тряхнув бровями,
Густо тянет он,
И с Господними рабами
Дует самогон.

Но один довольно тонко
Так подметил «раб»:
«Пресвятой, ведь самогонка
Наш заклятый враг».

«Стыдно! Мы же христиане, -
Поп журил его, -

Возлюби - гласит в писанье -
Ты врага свою.

Ты святые книги, право,
Грешник, не читал».
Подмигнул «рабу» лукаво,
Осушил бокал.

Дальше путь трудней «святому»,
Тяжелей старик.
И бредет от дома к дому
Батька напрямик.

Нипочем ему дороги
И мороз в пургу.
И уже не то что ноги –
Борода в снегу.

Крест под мышкой. Дело к ночи.
Улице конец.
И поет... но уж не «отче»
«Пресвятой отец».

Новогодние сны

Испокон веков известно –
От язычества идет,
Что сбывается чудесно
Каждый сон под Новый Год.

И сейчас без измененья,
Как и в годы старины,
Люди веруют в знаменья
И пророческие сны.

А какие сны витают
В ночь под Новый Год и нас
Непреренно посещают, -
Вот об этом мой рассказ.

Степаниде бабке снится,
Будто входит в магазин.
Смотрит бабка и дивится, -
Что за цены?! – Смех один.

Масло сливочное, водка –
Три с полтиной – покупай!
Рыба разная, селедка –
За полтинник **подумай!**

Сахар – рублик. А колбаска
И конфеты – сорт любой –
От рубля до трех. И бабка:
«Слава Богу! – Вновь застой!»

Видит сон и предколхоза
(Правда, бывшего уже),
Что от снега и мороза
В утепленном гараже

Желтый свеженький УАЗик
Добросовестно укрыт.
Под навесом зама ГАЗик,
Сельхозтехника стоит,

Всё в линейку, как когда-то,
И авто, и трактора.
Под другим – суперфосфата,
Будто целая гора.

Склад семян. Солярки вволю.
Все под новый урожай
Подготовлено. И в поле,
Хоть сегодня выезжай.

У колодца две молодки –
Что картинка на холсте.
Из райцентра с сумкой водки
Едет Фетька на ДТ.

Фермер видит – из района,
Будто снова получил
Он четыре миллиона,
Так как первые пропил.

Сам Глава! Уснул и тоже
(Все естественно) – и он
Явно видит, и похоже,
Даже очень вещий сон.

Будто фермы и колхозы,
Предприятия, АО,
Стройки, фабрики, совхозы
Обанкротились давно.

Будто принято решение:
Пенсионы отменить,
Культ., просвет., здрав. учрежденья
Да и детские закрыть.

И везде: кафе да бары,
То ларек, то магазин;
Виски... Жвачки... Все товары
С этикеткой «Made in...»

На процентах от дохода
Так и зиждется бюджет.
Ни вопросов у народа,
Ни претензий к власти нет.

Не работа – наслажденье!
Только цены набавляй,
Принимай постановления,
Да зарплату получай!

Сны чинов не различают,
Не обходят никого
И великих осеняют
Мира грешного сего.

Вот и Он – неспешно справил
Все дела по мере сил,
Люд по телеку поздравил,
Встретил Новый и почил.

Сон к нему пришел моментом:
Будто Думу распустил,
И бессменным президентом
Сам себя провозгласил.

А редактору приснилось:
Что газеты – нарасхват
И подписка завершилась,
И в киосках не лежат,

И уже в самой столице
Бум с подпискою идет!..
Ну и ну! Такое снится
Только в ночь под Новый Год!

Молитва

О, Господи Всевышний и Всесущий!
Услышь молитву скорбную мою.
Я на коленях – видишь, Всемогущий:
Перед святой иконою стою?

Я грешен, Отче, грешен, признаюсь,
Во всех грехах, какие только есть.
Но не об этом слезно я молюся.
Не о своей душе пекуся днесь.

Я, раб ничтожный, гну смиренно вью,
Прошу и плачу: милость оберни,
Не на меня, на матушку Россию,
Спаси ее Господь и сохрани.

Она больна. Я это точно знаю.
Ее судьба в опасности и жизнь.
Лишь на тебя, Владыка, уповаю:
Ты за мою Россию заступись.

Ее бесчестят, травят и терзают:
Война, раздор, разруха, геноцид.
Ее на части рвут и раздирают.
Она у края пропасти стоит.

Еще... Ты помнишь клятву Президента,
Какую он пред выборами дал:
Спаси страну, улучшить ТО и ЭТО,
Иначе – лечь на рельсы обещал?

И за него молось, Великий Боже.
(Ему, конечно, страшно самому.)
Так помоги, Всемилостивый, тоже
Все обещанья выполнить ему.

Свеча потухла. Выплаканы очи.
А я твержу: Россию не покинь!

Ну, а мои грехи?.. Да, ну их, Отче.
Абы России выжила.

Аминь!

А кто же новоявленный «Сусанин»?

Какая тьма! Какая духота!
И бронхи до ломоты спазмой сжались,
И душу разъедает пустота,
И мысли в голове перемешались.

Куда идем?! Без вех, без маяков
Под грохот похоронного оркестра?!
Отверженно, без ропота, без слов,
Без веры, без надежды, без протеста?!

«Вперед! Быстрее!» – гонит проводник.
И мы, как оголтелые, шагаем.
На ощупь, без оглядки, напрямик.
Друг другу на запятки наступаем.

Все глуше путь, опасней и трудней...
Постой! Да мы же это проходили.
Писал и Глинка в опере своей,
И в книжке по истории учили...

Да! Так и было. Помните: «...ни зги...» –
Завел врагов в болотину крестьянин.
Но мы-то, слава богу, не враги.
А кто же новоявленный «Сусанин»?

Ложь и правда

«Привет, кривая. Ты жива?» –
Так Правда Ложь встречала.
«Что за бестактные слова?» –
Ложь Правде отвечала.

«Тебе ли милка, задавать
Подобные вопросы.
Почти всегда, кому не знать,
Ты оставалась «с носом».

И, если только захочу,
Так было, так и ныне,
Тебя и в пыль и в грязь втопчу,
И нет тебя в помине.

А чуть встаешь, опять кричишь,
Хрипя на всю планету.
А уж того, за что стоишь,
Давно на свете нету.

Гуд бай, прямая. Мне пора.
До встречи. А покуда
Живи-ка ты своим «вчера»,
А я «сегодня» буду.

Пока...

Москва – Луна! Москва – Луна!
Пробита трасса эта.
Но прилунилась лишь одна
Пока еще ракета.

Пока?.. Но грешников Земли
Сие разбередило.
И вновь стальные корабли
Нацелены в светило.

Довольно, будущий герой,
Томиться в центрифуге!
Уж близок день, и он рукой:
«Пока», - махнет подруге.

«Пока», и с грохотом волна
Плеснет по стартплощадке.
Взметнет экспресс Москва-Луна,
Прямой... Без пересадки.

Рысак

Смешно, уродливо и грубо.
И кто додумался, и как?
Какая блажь! В телегу с грузом
Заложен трепетный Рысак.

То дернет он, то чуть плетется,
То бьет копытом и храпит,
То в гору с возом понесется,
То задохнется и стоит.

Стрижет ушами, приседает,
Косит глаза по сторонам,
И пена хлопьями слетает
С горячих губ к его ногам.

Ему бы степь, простор да волно,
Да удалого седока,
Да, как положено, до боли
Ударить шпорами в бока.

Да гаркнуть, свистнуть и... стрелю!
Да так, - чтоб ветер обгонять,
И чтоб подковою стальнойю
Из камня искры высекать.

Чтоб все слилось в порыве диком,
Чтоб щеки рвали удила,
Чтоб шашка, вскинутая с гиком,
Разогревалась до бела,

И чтобы там – в степном раздолье,
Оскалив зубы, на скаку
Упасть и сдохнуть на приволье,
Как подобает Рысаку!

Баре

Горячий Барс – гроза долин,
Ущелий мрачных, круч сыпучих,
Любимец гор и властелин,
Когда-то гордый и могучий,

Когда-то грозный и лихой,
И вольный, словно ветер горный,
Но вот, обманутый судьбой,
Лежит он мирный и покорный.

Лежит, прикованный к стене
На цепь безжалостной рукою,

Лениво дремлет в тишине,
Привык к неволе и покою.

Потухли хищные глаза,
Жестокий нрав остыл с годами,
И дети малые, как пса,
Его уж гладили руками.

Но вот однажды, только день
В далеком небе стал искриться,
С горы в долину, будто тень,
Спускалась чуткая Барсица.

Невольник нехотя зевнул,
Слегка на лапы приподнялся,
Ноздрями нервно потянул,
По сторонам заозирался.

И что-то вдруг проснулось в нем,
В звериной памяти воспряло,
Зрачки наполнились огнем,
И все внутри заклокотало.

Не то ли вой, не то ли стон,
Не то ли вдох гортанно выдал,
Глотая запах, трясся он,
Искал глазами и... увидел!

Рванулся, узами гремя,
Визжал, хрипел, метался, бился,
Но цепью вздернутый, плашмя,
То навзничь падал и душился.

А между тем уже Она
Обратно в гору подымалась,
Все меньше делалась видна,
Все больше в дымке растворялась.

Прощание с хутором

Прощай, забитый, оскорбленный,
Ты видишь, я перед тобой
Стою коленопреклоненный
И с непокрытой головой.

Прощай. И где-то там другое
Найдется место под Луной,
Быть может, лучше, но – чужое.
Лишь ты убогий, - но родной.

Отец и дед тебя создали,
Овины, избы возвели,
В тайге сырой поля подняли
И, - «Лукшин хутор» - нарекли.

Немало черных туч сгушалось,
Больших и малых над тобой,
Немало бед лихих промчалось,
И все прошли не стороной.

А ты взирал невозмутимо,
Упрямо их не замечал,
И иступленно, одержимо
Пахал, и сеял, и молчал.

Прости. Но я не в силах боле
Терпеть глумленья пошляков
И подчиняться слепо воле
Всеуказующих перстов.

Прощай! Когда вернусь – не знаю.
И негодуя и скорбя,
С разбитым сердцем покидаю
Многострадального тебя.

Но веруй, - встреча состоится.
Вздыхнет поруганная Русь.
Падет господство инквизиций.
Падет! И я к тебе вернусь.

Авторский вечер

Цветы на рампе. Строг и сдержан Зал.
Большой поэт, маститый, выступает.
Солидный том, что Маркса «Капитал»,
Своих трудов восторженно читает.

И что за стиль! Напористый, крутой.
Не песенно-есененно-жуковский,
А наш – партийно-классово-прямой,
Демьяно-бедно-зримо-маяковский.

Гремят стихи, поэмы. А кулак
То вдруг над сценой глыбой зависает,
То вниз летит тяжелой рифме в такт, -
Как будто гвозди в доску забивает.

Почтенный Зал внимательно следит
За каждым взмахом, а в моменты,
Когда кулак ^кколенку просвистит, -
Со всех сторон звенят аплодисменты.

Но иногда, то автора рука,
То зритель утомленный ошибется, -
Кулак мелькнет лишь только у пупка,
А в Зале вдруг овация взорвется.

Поэт прервется, крикнет. И тогда
Свой перст предупреждающе вздымает,
«Мол, не спешите, рано, господа», -
И дальше в том же темпе продолжает

Но вот последний, мощный взмах руки.
Захлопнут том с достоинством поэтом.
Утихли в Зале выкрики, хлопки,
И перешли к вопросам и ответам.

О тиражах, о книгах, о статьях,
О славе, о машинах и о дачах,
О женщинах, писателях-друзьях,
О премиях и мелких неудачах

О новых планах, замыслах, потом,
О коммунизме **НЫНЕШНЕМ** Хрущева,
И о застое сытом и хмельном,
О **ШАНСЕ** перестройки Горбачева,

О торжестве гайдаровских реформ,
Об их еще **ДАЛЬНЕЙШЕМ** углубленьи,
О собственности всех мастей и форм,
Об **УТОПИСТСКОМ** ленинском ученьи,

О взятках, о коррупции, вине,
О рэкрете, налогах и процентах,
О хлебе, ценах, помощи извне,
И об ОЧЕРЕДНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТАХ,

О ГЕРОИЗМЕ РУССКИХ ВОЕВОД
При СЛАВНОМ штурме «Русского Рейхстага»,
О том, как НЕВОСПИТАННЫЙ народ
НЕ ПОНИМАЕТ рыночного блага.

Поэт на все вопросы отвечал
Резонно, четко, вескими словами.
Давал советы. С жаром извещал
О скорой встрече с новыми стихами.

А то что жизнь не ладится сейчас,
То зло еще-де в сталинской системе.
А новый курс- де правильный у нас.
И предложил держаться ближе к теме.

«Позвольте», - прокатилось по рядам.
Тут встал детина модно-бородатый.
«Ваш стих, пардон, не кажется ли Вам,
Какой-то грубый, трудный, непонятный».

Притихший Зал на миг оторопел.
У всех в глазах застыло удивленье.
«Мол, как ты, неотесанный, посмел!»
«Пускай и прав, но это ж... оскорбленье!»

«Да, труден, груб, - парировал поэт. –
Конечно, не миндальный, не елейный.
Но в этом смысл, и сила, и секрет,
И потому он суперсовременный.

Не всем доступен, правильно, пока.
То и других волнует, вероятно.
Но я пишу в грядущие века, -
Немудрено, что многим непонятно».

«И все же, - бородатый наступал, -
Хотя бы стих последний перечтите
И смысл его, - детина рокотал, -
Для всех доступной прозой изложите».

Поэт упорствовал. «На все свой срок.
Вот новый век наступит, повторяю,
И все поймем. Я тоже не пророк,
Помилуйте, пока и сам не знаю».

Возвращение

Давно покинул я отеческий предел
И по чужой орбите закружился.
И все ж на вираже я вывернуть сумел
И круг длиной полжизни завершился.

Но где бы ни был я, но где бы ни летал
Повсюду я испытывал влечение,
Всем телом и душой всечасно ощущал
Родной земли земное притяжение.

И вот я снова здесь! Усталый и больной.
Шагаю в пульс и сердца и планеты.
И возрождаются, как в сказке предо мной
Былых времен знакомые приметы.

Все так же стайками, что девушки, стоят
Березки по-над склоном косогора.
И в небе коршуны торжественно парят
Над вешним полем деда Никанора.

А там, где некогда стоял отцовский дом,
Я бугорок поросший различаю.
Вдруг к горлу подступил какой-то горький ком.
Померкнул свет. Я наземь упадаю

И душно, и темно, и слезы градом льют.
И сердце рвется на две половины.
И будто миражи, расплывчато плывут
Уже давно забытые картины.

Война! Толпится люд. Телега у крыльца.
«О, Боже!» - мать рыдает, причитая.
Я тоже плачу на больших руках отца,
Еще не всю беду осознавая.

...Мне скоро девять лет. Я стал совсем большой.
На старой кляче гордо восседаю.
За чьей-то впереди идущей бороной
Ее невозмутимо направляю.

...Ночное. Лошади усталые храпят.
Костер пылает. Искры в небе тают.
Ужасно филины за речкою кричат.
И страшные глаза в кустах сверкают.

...То вижу – в куче баб без шапки, босиком
Стоит мой дед с «Никольским Коммунаром»,
Грозит отчаянно на запад кулаком
И о боях рассказывает с жаром.

...То провожаю я в вечернюю зарю
С гулянки девку самую баскую.
С волненьем о любви ей что-то говорю
И обнимаю нежно, и целую.

...То скорбная толпа и траурный процесс, -
Иду, как тень за черным гробом брата.
А то – Полярный круг. С ружьем наперевес
Я на посту – за поясом граната.

Вот отслужился я. Мой Хуторок родной!
Где детство раньше срока пролетело,
Пустыми окнами с упреком и тоской
В мои глаза глядит осиротело.

А вот и матушка! «Ну, здравствуй! Как живешь?!»
В ее глазах и радость и тревога.
«Беги, сынок, беги! Иначе пропадешь».
И я ушел от отчего порога.

Мираж исчез. Встаю. Все мускулы дрожат.
И пред моим не очень ясным взором –
Все те же небеса, и коршуны кружат,
И хоровод березок над угором.

Пошел

Весна надолго запоздала
И непогожею далась.
Такой седые аксакалы
И то не помнят отродясь.

То дождь, то грома канонады,
То воздух резко холодел,
То истребительного града
Все сокрушающий обстрел,

То все сметающие сели,
То коркой крылася земля.
О, сколько бед перетерпели
От них хлопковые поля!

И пересевы... Пересевы...
И день и ночь неслись с полей
Машин усталые напевы
И стук дехканских кетменей.

Уже и дух сдавал и силы
Людей, измученных борьбой,
А хлопок, скрюченный и хилый,
Стоял, как тронутый чумой.

Весна никак не усмирялась,
По Средней Азии кружась,
Своим бесчинством наслаждалась
И лишь!.. к июлю унялась,

Когда заждавшееся лето
Пошло на приступ в глубину и ширь,
Она не выдержала это
И... повернула на Сибирь.

А на места ненастной мути
Шагнули солнечные дни.
Подпрыгнул серый столбик ртути
За сорок градусов в тени.

Природа зноем напахнула
Сухим, звенящим, как струна,

И в междурядия плеснула
Карадарьинская волна.

Хлопчатник немощный очнулся,
Приободрился, а потом
Навстречу солнцу потянулся
Всем изможденным существом,

Сначала робко, еле-еле,
Но вот уверенней, быстреей.
Пошел и лица посветлели
В парткомах у секретарей.

Пошел! Пошел! И дух и руки
У хлопкоробов поднялись.
Пошел! И радостные звуки
Карная в небо понеслись.

Пошел! Пошел! Пестрит в печати,
Гудят эфир и провода.
Пошел! И всем понятно, кстати,
Откуда, кто, зачем, куда.

Наши нравы

Смешными были наши предки...
В своей наивности святой
Они порой, как малолетки,
Забавно чванились собой.

Имели милую манеру:
При встрече шаркнуть и присесть.
И пуще глаз блюли, к примеру,
Свое достоинство и честь.

А уж обидчивы... упрямы...
Не так сказал... не так взглянул...
Или в гостях у знатной дамы
Неосмотрительно зевнул...

Или в беседе – откровенно
Глупца глупцом назвал – в ответ:

Кинжальный взгляд! И непременно
Летит перчатка на паркет.

Но вот она уже поднята
При восхищении немом
Жеманниц модных. Нет возврата!
Завязка сделана. Потом:

С большим азартом секунданты
Подхватят церемониал...
Пылят повозки... Сходят франты...
Поляна дикая... Финал!

Монета брошена. Звездю
Сверкнул на солнце ореол.
Враги застыли. Их судьбою
Играют решка и орел.

В глазах мольба и ожиданье...
Судьбы последний пируэт.
...И вот – один, как на закланьи,
Другой – наводит пистолет.

...Отслужат пышно панихиду.
Потушит свечи пономарь.
Простят обидчику обиду
И им займется Государь.

Тот пожурит его по-братски,
Подпишет нехотя указ,
Погоны снимет, коль не статский,
И ... «с богом» - прямо на Кавказ.

...Пардон, любезнейшие, - дудки!
Не та эпоха. Человек
«Умнее» стал. В такие шутки
Не шутят в наш практичный век.

Но не подумайте превратно:
Мол, вырождается народ,
«Крутых»-де – мало, вероятно?..
Напротив – все наоборот.

Сейчас в России «обновленной»
В любой компании лихой
И по причине и без оной
В большом почете мордобой.

Хотя он больше для проформы –
Традиционный русский быт...
Но вот, - как бомба, - «декреформы»!
И жизнь сгущает колорит.

На сцену вышел «новый русский» –
По-настоящему «Крутой»,
Не то, что с выучкой французской
Пижон из древности седой.

Ни под каким предлогом, кстати,
К барьеру встать не склонен он
И от невыгодных понятий –
Таких, как честь, - освобожден.

Ни бог, ни черт – ему не судьи.
Его святыни – деньги, власть!
Не дай вам бог, честные люди,
На сей стезе ему попасть!

Не будет нудной канители
И старомодных выкрутас,
Ни секундантов, ни дуэли,
А так же, между прочим, - вас.

...Однажды вы войдете в сени
Или же в собственный подъезд –
Блеснет огонь... Метнутся тени...
Рванет со свистом «Мерседес»!..

Аминь!..

А он живет свободно
Без риска ложного «Попасть».
У нас убийц иметь не модно –
Тем паче – если это власть.

Тайна жизни

Давным-давно в земле благословенной
В глухой степи без края и конца
На перепутьи двух дорог вселенной
Сошлись три великих мудреца.

Их лица озаряло вдохновенье.
Одежды их – в лохмотьях и в пыли.
Они несли народам откровенье
И тайну, им известную несли.

Друг другу пилигримы поклонились.
Друг друга оценил пытливый взор.
И близ дороги мирно опустились
В ковыль-траву. И мерный разговор

Легко пошел, как ветра дуновенье:
О боге, о народах, о царях,
О жизни, об искусстве, просвещеньи
И о, пока неведомых, мирах.

Катилось солнце. Спорилась беседа,
Переходя из диспута в скандал.
И вот, прервав решительно соседа,
Один оракул с вызовом сказал:

«Я! Только я! Постигнул тайну мира.
Она, как все великое, - проста.
Властители его: резец, палитра, лира.
А выше их - лишь только красота!

Жизнь создана по воле провиденья.
В ней человек – вершина бытия.
Все сущее – ему для наслажденья
Творцом дано. К нему зываю я:

Богopodobный и в грехах увязший,
Открой зеницы гордые, всмотришь!
Прекрасен мир, тебе принадлежащий.
Блага, тебе дарованная, жизнь!

Прочь от корысти, зависти и лени!
Дружись с палитрой, лирой и резцом,
Твори для красоты и наслаждений,
Венчай чело пленительным венцом!»

«Простит вам бог слепое заблуждение –
Второй мудрец с иронией изрек –
Смешно и вредно людям развлеченье, -
Побед и славы! Жаждет человек.

Презренна жизнь без подвига и брани.
И если ты не трус и не лентяй –
Седлай коня и мчись с мечом во длани,
И все и вся круши и покоряй!

Смотри и слушай мира содроганье,
Когда взметнув победно копий лес,
Сольется он в едином восклицаньи!
И все вокруг под куполом небес

Твое, воитель, имя наполняет!
И на устах народов и племен
Звучит оно и в страхе замирает!
Вот истина! Вот тайна и закон!»

«Остыньте, - третий молвил. – Наслажденье,
Победы шум, искусство, Красота:
Лишь похоти порочной ублаженье,
Никчёмная мирская суета.

Все в этом мире - временно и тленно.
А жизнь – мираж – пустая круговерть.
Все низменно, бессмысленно и бренно!
И только смерть бессмертна! Только смерть!»

Пылит дорога. Путники угрюмы.
Ковыль сменяют жидкие поля.
Чу! Странный звук! И мудрых старцев думы
Прервал внезапно звонкий плач дитя.

Остановились. «Что это?.. откуда?..»
На посохи устало оперлись.
И взору мудрецов предстало чудо:
Среди снопов родившаяся жизнь.

Отец новорожденного – несмело
В свою рубаху сына пеленал.
Она – в слезах, усталая сидела,
А взгляд – любовь и счастье излучал.

И мудрецы – в неведомом смятеньи,
Потупя лбы, раздумью предались.
И вдруг, - в каком-то тайном озареньи,
Не говоря ни слова – разошлись...

И снова «бой»

Свежо. Прохладно, Чуть светает.
Тускнеют звезды в вышине.
И тишина, что лишь бывает
Перед сраженьем на войне.

Все наготове спозаранку.
Вот «капитаны» первых смен
Выводят в поле словно танки,
Свои «ХВ», «ХТ», «ХН».

И целый день и ночь при свете
«В бою» стальные корабли
За каждый грамм, как в 43-ем
За каждый метр родной земли.

А следом с фартуками «рота»
Идет шеренгой от межи
И зачищает, как пехота,
И закрепляет рубежи.

Давно за полночь. Шум привала
С душистым чаем и шурпой.
И спят «солдаты», как попало,
А чуть рассвет – и снова «бой».

Разбор итогов, как когда-то,
И во штабах, и на бюро.
Гудит эфир, как в 45-ом,
От сводок совинформбюро.

*На 120-летие Никольской библиотеки
и.л.Г.Ж.Потанина*

Из всех богатств, из всех сокровищ света,
Какие только создал человек,
Дороже нету и важнее нету
Священных храмов книг – библиотек.

Они хранят великие секреты,
Что родила седая старина,
Загадки, тайны, мудрые ответы,
Пророков и поэтов имена.

Когда кипели войны и интриги,
Когда пожар свирепствовал кругом,
Народ всегда спасал сначала книги,
А уж казну и прочее потом.

А после, чуть остынут пепелища,
Как панацею, книгу в руки брал,
По ней свои отстраивал жилища,
Дворцы и храмы он воссоздавал.

Сейчас, когда великое смятенье
По всей Руси поруганной бурлит,
Идет террор, духовное паденье,
Разруха, нищета и геноцид;

Когда о долге многие забыли,
В загоне ум, достоинство и честь,
А сцены и экраны полонили
Невежество, насилие и секс, -

Мы духом не падем до озлобленья,
А лишь ряды свои соединим
И книгу, - наше знамя просвещения
И символ возрожденья, - сохраним.

И будет день! – Потомок с добрым чувством,
Перекрестясь, ее раскроет вновь,
И оживут наука и искусство,
И красота, и вера, и любовь!

Пролетайте, безумные годы.
Мне не жаль вас, ни крошки не жаль.
Пусть несут меня мутные воды
В неизвестную грустную даль.

Не волнуйте, минутные встречи,
Угасай, необузданный пыл.
Не стучи, ошалелое сердце,
Чтобы я никого не любил.

*Гаревца**

Отгудели давно сенокосы
В скоротечной июльской жаре.
Отгуляли красавицы косы
По медвяной, росистой траве.

Озорные частушки отпели
В полумраке вечерней зари
Из Стахановской дружной артели
Молодые твои косари.

Не поет Тольки Пашкина хромка
В шалаше под веселый галдеж.
Задушевно, призывно и громко,
Созывая к себе молодежь.

И народом и богом забыты
Запустели твои берега.
Затянуло кустами ракиты
Да ольхи заливные луга.

Все окрест нелюдимо и дико, -
Ни души, ни жилища кругом.
До тоски неуютно, близко -
Буераки, сушняк, бурелом.

Лишь медведь колобродит косматый,
Как хозяин, свободно везде,

* Гаревца -- название речки, дальний сенокос.

Да порою подходит сохатый
К родниковой студеной воде.

Видно, больше огонь не займется
В очаге моего шалаша.
О, как сердце надрывисто бьется.
О, как ноет больная душа.

В долине горной под скалой
Нависшей, многотонной,
Дубок наивный, молодой
Сверкал нарядной кроной.

Тянулся, силы набирал
И вдруг в скалу уткнулся.
Ее, конечно, не поднял,
Не рос, но и не гнулся.

О, Господи! Ты властен надо всеми,
Услышь меня и стон телепрограмм.
Избави нас от «модных» эпидемий –
Меня от СПИДа, оных от реклам.

Встреча с хутором

Ну, вот и встретились, родимый,
Но, что же сталося с тобой?!
Какой же варвар нелюдимый
Твоей потешился судьбой?!

Окрест развалины, руины,
Обломки битых кирпичей,
Следы пожарищ, кучи глины
Из-под разрушенных печей.

Кусты репейника, крапивы
Вокруг угрюмых пепелищ.
Черны, убоги, молчаливы
Останки бранные жилищ.

Журавль колодезный истлевший
Навис, как призрак, над бугром.
Колодец, чудом уцелевший...
Здесь был когда-то отчий дом.

Скосясь уродливо, застыли
Столбов обугленных торцы,
Как будто руки обратили
Сквозь пепел к небу мертвецы.

В полях, недавно хлебоносных,
Стоит стеной чертополох.
Сплошной ивняк на сенокосных
Лугах Шебунихи и Лох

Больное сердце защемило,
Но помощь неоткуда звать.
В коленях ноги подкосило,
Но руку некому подать.

Весенний полдень помутился.
Вдруг стало душно и темно.
И я бессильно опустился
На обгоревшее бревно.

О, сколько ты перетерпела
Многострадальная земля!
И голодала и горела,
Россия – родина моя!

Тебя терзали печенег,
Монголы грабили и жгли,
И профашистские стратеги
Тебе огонь и смерть несли.

Но иноземцев выметали,
Как грязный мусор со двора.
И вновь из праха восставали
Деревни, села, хутора

А где же этот лютый враг,
Что хутор мой не пощадил,
И без войны село и город,
И всю Россию разорил?!

Увы! Он снова указывает,
В столице-матушке сидит,
Ворует, Родиной торгует
И разорителей бранит.

Но судный день наступит скоро.
Фемида грозная придет,
Низвергнет суетного вора
И свой вердикт произнесет!

На могиле поэта

На Бобришном памятном Угоре
Над крутой излучкой Юг-реки
Ты стоишь с отчаяньем во взоре,
По-матросски сжавши кулаки.

Над тобою древнее светило
Полыхает в горней высоте,
Будто свечи, блики засветило
На могильной мраморной плите;

Шевелюру медную ласкает,
Золотит березки на юру.
Где-то рядом иволга рыдает.
Где-то филин ухает в бору.

Сколько раз тропинкою желанной
Приходил с корзиной босиком
Ты сюда в рубахе домотканой,
Затянувшись красным кушаком.

По-хозяйски бережно ступая,
Ты бродил, что добрый лесовик,
О нелегкой жизни размышляя,
Прост по-русски, скромн и велик.

Здесь – в избушке незамысловатой
Земляков радушно принимал,
Угощал их снедью небогатой
И стихи нехитрые читал.

Этот угол – дивный дар природы
Ты ревниво с детства полюбил.
С ним делил и радость и невзгоды,
И в его объятиях почил

Не спеши, прохожий неизвестный.
Кто б ты ни был, мой духовный брат,
Поклонися – здесь в могиле тесной
Спит поэт, крестьянин и солдат.

Гимн клубу «Земляки»

Мы дружные ребята – следопыты
Из яшинского клуба «Земляки».
Сердца у нас доверчиво открыты,
А цели – бескорыстны, высоки.

Мы ищем, открываем, изучаем
Дела и жизнь великих земляков.
Мы учимся и сами просвещаем,
Девиз наш благороден и суров:

«Не сгибаться, не ломаться,
Честью смолоду дорожить,
Правдой нашей не поступаться
И родную землю любить» .

Нас клуб преобразует незаметно.
Он знаний и поэзии исток.
И родину мы любим беззаветно –
Особенно наш малый городок.

Мы трудностей привыкли не бояться.
И делать* только добрые дела*,
Бороться, побеждать и не сдаваться,
Чтоб стала жизнь достойна и светла.

«Не сгибаться и не ломаться,
Честью смолоду дорожить,

Правдой нашей не поступаться
И родную землю любить».

Мы в клубе вдруг почували впервые
Тревожное брожение в крови
И чувства беспокойные, святые:
Товарищества, дружбы и любви.

Но в мире все, увы, непостоянно
И может... через много, много лет
Мы встретим одноклубника случайно
И вспомним мудрый яшинский завет:

«Не сгибаться и не ломаться,
Честью смолоду дорожить,
Правдой нашей не поступаться
И родную землю любить».

Памяти Сергея Дурягина

В городе моей любви и боли
Жил в послевоенные года
Баловень и раб превратной доли
Малый – на все руки – хоть куда.

Был он одаренная натура
И по божьей милости – артист.
В рай ДКа – заметная фигура:
И конференсье и баянист.

Он любил баян свой темно-синий,
Девушек, друзей и буйный хмель.
Музыкой владел – как Паганини,
Красками писал – как Рафаэль.

Помнятся концерты и аншлаги.
Помнится – «под мухою» всегда
Выходил под занавес Дурягин:
«Здрате, дамы и гы-господа».

Зрители тепло рукоплескали.
И «гы-господа» - то тут, то там
Весело с улыбкой повторяли.
«Здрате» – проходило по рядам.

Песни, пляски, танцы, водевили
Он шутя экспромтом исполнял.
Женщины его боготворили,
А мужчины – каждый уважал.

Он, конечно, был не безупречен,
(Все мы небезгрешны под луной)
Вакхом и амурами помечен,
Ну, а впрочем – парень мировой.

В городе моей любви и боли
Жил в послевоенные года
Баловень и раб превратной доли
Малый – на все руки – хоть куда.

Ответ

1

Пardon, дружище! Что с тобою?!
Никак, бедняга, заболел?
Обеспокоен я – не скрою.
Да ты, быть может, «что-то съел»?

Или погожею порою
Головку солнцем перегрел?..
Что соло арии запел?
Чур! Чурин! Чур! – Господь с тобою.

Ступай к врачу. Во всем признайся.
Мол, грешен. Так и так... Покайся
Пока не грянула беда...

К тому ж (прошу не обижаться) –
Но строк в сонете не тринадцать,
А их четырнадцать всегда!

2

Ну, ну! Старик, не пузырися!
Ты сам заказывал сонет.
Прими достойно, улыбнися, -
Тут никаких подвохов нет.

Да... Катерине поклонися.
И домочадцам всем привет,
Здоровья, счастья, многих лет.
А сам с ответом не ленися.
Благодарю за наставленья
И за другие разъясненья.
А вот с конвертом?.. – признаюсь –

Не ожидал такого тона...
Уж лучше б выслал с «поллимона».
А оным – я обзаведусь.

Дарственная надпись на книге

Друзья любезные, простите
За все, что ниже натворил.
Я не умышленно – поймите!
Ей-богу, каюсь – молод был.

Люди! Защитите чудо-Жизнь!

Где-то в глубине тысячелетий
Звезды мироздания зажглись.
Где-то в уголке на белом свете
Чудом зародилась Чудо-Жизнь.

С той поры стремительной кометой
Жизнь неслась вперед за веком век,
Рос и поднимался над планетой
И над целым миром Человек.

Что ему законы тяготенья –
Падает и снова рвется ввысь,
И, порвав земное притяженье,
Жадно во вселенной ищет Жизнь.

Рыщут в неизвестности ракеты,
Мчатся в бесконечность корабли,
И летят сигналы и ответы
С межпланетных станций и Земли.

«Слушай... Отзовися... Где ты?! Где ты?!
Под какой счастливою звездой?!»

Но молчат угрюмые планеты
И туман космический седой.

«Отзовись!..» Но есть другие силы
Злобны и враждебны, и темны.
Их закон – насилие могилы,
Их дела – пожарища войны.

Призрачные, атомные тени
В тучи смертоносные сошлись.
«Люди! Для грядущих поколений
Встаньте! Защитите Чудо-Жизнь!»

Если вы подыметесь, вздохнете –
Грозный пронесется ураган,
А ладонью море зачерпнете –
Обмелеет бурный океан.

Если вы друг другу подадите
Руки и доверите мечты, -
Встанут в нерушимом монолите
Между континентами мосты.

Если по велению твердой воли
Скажете решительное «нет», -
Рухнет блок военных монополий,
Базы термоядерных ракет!»

Призрачные, атомные тени
В тучи смертоносные сошлись.
«Люди! Для грядущих поколений
Встаньте! Защитите Чудо-Жизнь!»

А как же не придет

Лукерье Никаноровне, моей матери.

В сорок первом бой невиданный гремел.
В сорок первом снег истоптанный горел.

В сорок первом под столицей под Москвой
Смерть вцепилась в Жизнь железною рукой.

Шла косая, не сгибаясь, напролом.
Полетели похоронные кругом.

Вот приходит и к Марии почтальон,
И конверт с бедой протягивает он.

Побледнела тут Мария – так и есть,
И ее не обошла лихая весть.

Пишет с фронта батальонный комиссар:
«Отражаем очень страшный мы удар.

Ваш Иван в бою фашистов крепко бил.
Две медали он и орден заслужил.

По-геройски он, отважно воевал,
Но неделя, как уж без вести пропал».

«Это что же?!» И Мария босиком
Побежала к инвалиду через дом.

«Да неужто?! Посмотри-ка, Николай!
Что ли не жив, разберись-ка, почитай.

Ты, ведь знаешь, ты ведь только что с войны.
Это как же понимать-то мы должны?!»

Простучал солдат березовой ногой:
«Подожди, да успокойся, да постой».

Прочитал бумагу, Марье говорит:
«Тут не сказано, что именно убит.

Ну, а без вести, - сейчас немудрено.
Вст объявится, увидишь все равно».

В сорок пятом прогремел последний бой.
Все живые возвращаются домой.

И Мария все надеется, все ждет, -
Вот появится, а как же не придет.

Уж давала и цыганке погадать.
А уж этой-то, конечно, как не знать.

А уж этой все известно наперед,
И она сказала: «Встретитесь, придет».

Так и ждет Мария вот уж тридцать лет,
А Ивана почему-то нет и нет.

Стала старость на Марию наступать,
Но солдатка продолжала твердо ждать.

Переставила кровать у окна,
Чтобы лучше стала улица видна.

Если вдруг Иван под окнами пройдет,
Чтобы выбежать и встретить у ворот.

В эту зиму лютой выдался мороз.
Отвезли соседи Марью на погост.

Только вьюга над могилкою метет,
А Иван, чего-то, так и не идет.

День Победы

Давно не грохочут раскаты
Огнем боевых батарей.
На фронт не уходят солдаты
От жен, от невест, матерей.

Умолкли и доты и дзоты,
И танки броней не гремят.
Никто не штурмует высоты,
В чехлах пулеметы молчат.

И нету свинцового града,
Ни взрывов, ни минных полей,
Блокадных ночей Ленинграда,
Чудовищных концлагерей.

Война по средине Европы
Давно, полыхая, прошла.
Землянки, траншеи, окопы
Цветами весна замела.

Но память осталась людская,
Была она будет и есть.
И горькая правда живая –
Ее никому не заместь.

Ничто не забыто поньне –
Ни муки, ни слезы, ни чад
Печей крематорских Хатыни
И ни Бухенвальдский набат.

Победа! Победа! Победа!
Ты слишком нележкой была.
Победа! Победа! Победа!
По трупам кровавым пришла.

Но вновь на груди у планеты
И в люках стальных кораблей
Коварно застыли ракеты
Крылатых и прочих мастей.

Победа! Победа! Победа!
Салют на полнеба горит.
Победа! Победа! Победа!
Пусть Мир на Земле Победит!

Зеловские вылеты

Памяти Михаила Матвеевича, моего отца

Как после грозного прилива
Назад идущая волна,
На запад медленно катила
В кровавом зареве война.

Полями выжженной Европы
Среди крестов, среди руин
Ее обугленные тропы
Вели обратно на Берлин.

Весна. Апрель. По землям прусским
В победный сорок пятый год
С боями Первый Белорусский
Упорно двигался вперед.

Уже снаряды доставали
Последний вражеский оплот,
Когда навстречу фронту встали
Гряды Зееловских высот.

Плато упорно возвышалось
Над всем приодерьем вокруг
И не естественным казалось,
А сотвореньем чьих-то рук.

Десятки тысяч тонн бетона,
Почти отвесная стена.
По всем законам оборона
Врагом была наведена.

Стволы орудий, доты, дзоты,
Поля невидимые мин –
Стояли намертво высоты,
А за высотами – Берлин.

Фашизм засел, залег, зарылся
За каждым выступом и меж,
И в предагонии вцепился,
Как за спасительный рубеж.

В победе не было сомнений
И в превосходстве наших сил,
Но вид суровых укреплений
На размышленья наводил.

Остановились, подтянулись,
Приосмотрелись – что и как,
И перед приступом сомкнулись
В тугой, кокаутный кулак.

Ни вспышек выстрелов, и звуков.
А ночь, как омут, глубока.
Со штабом фронта Маршал Жуков
Обходит медленно войска.

Доклады кратки. «Все готово», -
Спокойно слышится в ночи
В Гвардейской Армии Чуйкова
И генерала Колпакчи

Никто не спит. Четыре, пятый.
Вокруг такая тишина,
Что и в печенку у солдата,
И в душу врзалась она.

И время будто перестало
Ворочать стрелки на часах.
Все притаилось. Ждало... Ждало...
И вдруг... Разверзлись небеса!

Огня косматые каскады
Над батареями взвились,
И залпы мощной канонады
В едином грохоте слились.

Дышали слаженно расчеты,
Ревел неистово металл,
И гул тяжелых самолетов
Картину боя дополнял.

Накал и страсти возрастали.
Игра велась наверняка.
Сто тысяч тонн свинца и стали
Низверглось лавой на врага.

Вначале там – из нор высотных
На голос наших батарей
Пробило жидких пулеметных
Четыре – пять очередей,

И все заглохло в море дыма,
Разрывов, стали и огня.
Земля, бетон вставали дыбом,
Рвалась и плавилась броня.

И тут, как яркая комета,
В упор плеснула на врагов
Волна губительного света
Ста сорока прожекторов.

Рванули танки и пехота –
Теперь настала их пора.
И покатались по высотам:
«Вперед! За Родину! Ура-а-а...»

Зубом не проверишь сталь

В 1961 году над территорией СССР был сбит американский самолет-нарушитель «У-2». Вскоре после этого события другой американский самолет «Т-39» нарушил границу ГДР и углубился на 90 километров в глубину страны. В печати промелькнуло сообщение, что при обстреле с земли самолет развернулся, ушел в сторону моря и упал.

Отхлебнув ли лишка рома,
Добрый дядя Сэм,
По чему ли, по другому,
Но забыл совсем

То, что твердо помнит каждый,
Как у нас «У-2»
Приземлился и... неважно,
Залетев едва.

Только вновь «Т-39»
Сей почтенный сэр
Силу, нервы ли проверить
Заслал в ГДР?

Километров 90
Хищник отмотал,
Ну, а дальше?.. Очень просто, -
Как и «У» упал.

Роковое совпадение?..
Может, да, а, может, нет, -
Если вспомнить изречение –
«По привету и ответ».

Дядя Сэм, играешь грубо,
И рискованно, а жаль, -
Даже самым крепким зубом
Не проверишь сталь

Что грустишь, боевой старшина?

Что грустишь, боевой старшина,
И слезу вытираешь украдкой?
У тебя в голове седина
И осколок под левой лопаткой.

Непристойно тебе, старина,
Пасовать перед сволочью всякой.
Разверни свою грудь в орденах,
Как тогда, перед первой атакой.

Сколько раз ты врага штурмовал
Под Москвой и у стен Сталинграда,
Умирал и опять воскресал
В преисподней кромешного ада.

В зной, в мороз и в осеннюю слизь
От Москвы до Берлина протопал.
Над тобою снаряды рвались,
Под тобою дымилась Европа.

Не тебе ли бросали цветы
И Варшава, и Вена, и Прага,
Где победно прошествовал ты
Под покровом Советского стяга.

Так не вешай же нос, старина,
И не смахивай слезы украдкой.
У тебя на груди ордена
И осколок под левой лопаткой.

Казино

Темно и мрачно казино.
Немного кто из смертных знает, -
Какие таинства оно
От глаз прохожего скрывает.

И чьи кареты, кони чьи
На двор широкий заезжают,
И каждый раз куда в ночи
Они бесследно исчезают.

И в двери черные его
Заходит кто, и кто выходит,
По воле сходятся кого,
И кто над ними верховодит.

И что за выкрики летят,
И что за звуки неземные,
Какие страсти там кипят,
Горят желания какие?

Но только странные давно
По всей округе ходят слухи, -
Что в этом черном казино
Проказят дерзко злые духи.

У них-де там ночной притон.
Они-де в кости там играют.
И души грешников на кон
Заместо денег выставляют.

Ковши-де полные вина
Разносят юные рабыни.
На скрипке сам-де Сатана
Играет в лике Паганини.

Там ведьмы будто бы кругом
То изнывают в томной лени,
То пьют, то пляшут, то потом
К чертям садятся на колени.

И стук копыт, и визг, и рев,
И скрипка стонет и рыдает.
И так до третьих петухов,
Нечистых шабаш не стихает.

Темно и мрачно казино.
Немного кто из смертных знает,
Какие таинства оно
От глаз прохожего скрывает.

Мазетро

Бельэтаж, партер и ложи
Знатной публикой полны, -
Тут и графы и вельможи –
Очень важные чины,

Фаворитки молодые,
И уже в расцвете лет,
Генералы удалые –
В общем, самый высший свет.

Напряженное молчанье
Надо всеми тяготит.
Затяжное ожиданье
Раздражительно томит.

Чуть заметное волненье
Проплывает по рядам,
И на лицах нетерпенье
Выдает девиц и дам.

Вдруг по залу прокатился
Полувывдох, полустон,
Вздрыгнул занавес, раскрылся, -
И на сцену вышел Он.

Черный, сгорбленный, нескладный,
Скрипка в скрюченных руках,
Свет неоновый, холодный
В мекфистофельских глазах.

В знак приветия суховато,
Скучно бросил пару слов,
Поклонился угловато,
Посмотрел поперек голов.

Скрипку вскинул и покрепче
Стиснул корпус бородой,
Так, что вздернутые плечи
Стали вровень с головой.

На лице холодном, впалом
Брови копыями сошлись.
Поднялся смычок над залом,
Взмах... и струны взорвались.

Застонали, зарыдали,
Врассыпную и в смеси.
В диком ритме заплясали
До, ре, ми, фа, соль, ля, си.

Буйно музыка взлетела
Неуемною волной,
Захлестнула, завладела
Каждым сердцем и душой.

И, похоже, уж мелькает
Не смычок в Его руке,
А весло скребет, мешает
Гулко в адовом котле.

И неведомая сила
Нажимает на весло.
Зал, как будто, наклонило,
Покачнуло, понесло.

Все быстрее, выше, круче,
Набирает оборот.
И кипит поток могучий,
Бурно пенится, ревет.

В эпицентре черный профиль,
Космы спутанных волос.
Настоящий Мефистофель
К скрипке дьявольской прирос.

Зал несет, бросает стрежень
По волнам то вверх, то вниз,
Вот взметнул на самый гребень,
Скрипка смолкла, - зал повис.

Пораженные персоны
Ног не чувствуют своих.
Пол и кресла, и балконы –
Все уходит из-под них.

Лишь по-прежнему маэстро,
Будто статуя, чернел.
Зал спустился, встал на место
И неистово взревел.

Раздирающие крики:
«Браво! Бис!» – и визг, и стон,
Необузданны и дики,
Понеслись со всех сторон.

Что-то жуткое творится,
Все в истерике вопят.
Перекошенные лица
Невменяемо глядят.

И куда девались сразу
Важность, титулы, чины...
Все под действием экстаза.
Все во власти Сатаны.

Обезумев, девы, вдовы
Норовят под ноги лезть
Чародею и готовы
Предложить и жизнь, и честь.

Избалованный Фортуной,
Он с ответом не спешил,
На одной – на самой юной –
Хищный взор остановил.

Рассмеялся Бес лукавый,
Жертву на руки поднял
И под рев и топот шалый
За кулисами пропал.

Видение

Один в палате в день весенний
На койке я недомогал.
Поток вопросов и сомнений
Мой смутный ум обуревал.

Кто я? Откуда я? Зачем я?
Как мир, и вечны, и стары,
Они давно стучали в темя,
Что камнепад с крутой горы.

И каждый раз я их пугался,
Робел, ответов избегал,
Ловчил, хитрил, ретировался,
Но в рассужденья не вступал.

И в это сложное мгновенье
Я начал голову ломать
И призывать воображенье,
Чтобы смятение прогнать.

То напрягал мозги до боли,
Стихи по памяти читал,
Считал до тысячи и боле,
То к Богу думы обращал,

То зябко кутался в постели,
А то метался, как в огне, -
Они же, будто черви, ели
Живое что-то там, во мне.

Но ни уловки и не время
Не заглушали «камнепад»:
«Кто я? Откуда я? Зачем я?» –
Во мне гудело, как набат.

И понял я – для отступленья
Уже дороги дальше нет,
Стал оправляться от смятенья,
Искать мучительно ответ.

Ну, кто? И так, долой смущенья.
Я – Человек! И в этом все –
И существо определенья
И назначение мое.

Потомок я Адама с Евой
(оттуда род исходит мой)
Или, согласно мысли смелой, -
Приматов родственник прямой.

Понятно всем, престижней все же
Родниться с грешной парой, но
Менять родителей не можем,
И выбор делать не дано.

Хоть так, хоть эдак – спору нету,
Я – Человек! А только он,
Из всех существ, на всю планету
Один рассудком наделен.

И потому я царь природы,
Владыка мертвой и живой.
Преобразую сушь и воды
Своей все могущей рукой.

Могу снести и сдвинуть горы,
И реки вспять поворотить,
И океанские просторы
И укротить, и покорить.

Подвластен мне могучий атом,
Земные недра в глубине,
И космос черный и косматый,
И жизнь сама подвластна мне.

То в жар, то в дрожь меня бросало.
Все больше я изнемогал.
Порой сознание покидало,
Но голос внутренний вещал:

Все: космос, звезды и планеты,
И солнце – только для меня.
И бог, и царь я в мире этом,
И центр вселенной – это я!

Сознание снова провалилось.
Увы, недуг торжествовал.
Не знаю, сколько это длилось, -
Я голос свыше услышал.

То было тучи громоуханье,
Лесного зверя зычный рык
И бури снежной завыванье,
И полуночной птицы крик,

И плеск, и грохот водопада,
И дикий рев, и жуткий вой,
Осадных пушек канонада,
И моря бурного прибой,

И шум дождя и звон капли,
И насекомых трескотня,
Степного жаворонка трели...
Но голос явно слышу я:

«Очнись, несчастный, - доносилось, -
И возносишь вослед за мной».
И эхо гулко повторилось,
Как в гроте, в комнате пустой.

Тотчас все светом озарило.
И вижу там, за потолком,
Повисло яркое светило,
Потом качнулось, а потом

Моргнуло, стало удаляться.
А что со мной произошло?
И сам не в силах разобраться,
Но только чую – понесло.

Лечу, не знаю чем влекомый,
Но ясен ум, легко груди,
И весь, как будто невесомый,
И свет все тот же впереди.

Лечу. Земля как на ладони,
И что-то движется на ней.
И океаны в зыбком лоне
Качают мачты кораблей.

Сады, пустыни пролетают
И ленты рек, и цепи гор,
И страны целые мелькают,
И степи стелются в ковер.

Летят поля, леса, равнины...
Но тут я начал примечать
Довольно странные картины,
О чем нельзя не рассказать.

Я видел гибель целых наций,
Больших и малых городов,
Обширных царств, цивилизаций,
И голубых материков,

Разгул каскада огневого
Из края в край по всей Земле,
Потоп и мор всего живого,
И трупы в иле и золе.

Но вот стихия утихала,
Оставив страшные следы,
Жизнь, обновленная, вставала
Из праха, пепла и воды.

И снова, будто на экране,
Ее размерный вечный ход.
А свет слегка мигнул в тумане
И сделал резкий поворот.

И я за ним. А трасса круче
Пошла тугой спиралью ввысь.
Мелькнули башни, вышки, тучи...
И мы... на звезды понеслись.

Каких событий и явлений
Мне быть свидетелем пришлось!
Каких чудес и превращений
Увидеть сцены привелось!

И смерть, и новое рождение
Планет, галактик и миров,
Их неземное население –
Полулюдей, полубогов,

Зверей, и чудищ несусветных,
И тьмы и света волшебство,
Холодный хаос беспросветный
И жизни стройной торжество.

Пространства, времени, эфира,
Движенья я не ощущал
И не имел ориентира –
Где, как и долго ли летал.

А между тем уже светило
Назад успело повернуть.
Меня за ним разворотило
И мы легли в обратный путь.

«Земля!» – Нежданно невидимка
Знакомый голос подала.
И впрямь какая-то пылинка
Навстречу двигалась, росла.

Но сокращалось расстояние,
Стал проявляться силуэт
И прояснилось очертанье
Знакомых издавна примет.

«Смотри, смотри, - я снова слышу, -
Покои «царские» твои».
И вижу сквозь чердак и крышу
Свою палату, койку и...

На ней какая-то козявка,
Червяк, подобно запятой,
Личинка, жалкая малявка
Ушла в подушку с головой.

И что за чушь?! Вообразите.
О, ужас! Я себя узнал.
Так вот он «грозный повелитель»,
«И Бог»!.. И я захохотал.

Все тот же я. Лежу в постели.
Ни чуд, ни звездного пути.
В душе покой. Блаженство в теле.
Светает...

«Господи, прости».

*Серебряная
чаша*

I

В стольном Киеве в высоких теремах,
Когда правил князь Владимир Мономах,
Жил Алеша, сын Попович удалой
С Евпраксией свет Путятишной, женой.
Евпраксия и красива и стройна.
Будто церковь позлащенная она.
Роду знатного боярского была
Чародейка – обольстительно мила!
Но была она обижена судьбой –
Молодешенька осталася вдовой.

II

И бояре, и заморские купцы,
И из княжеской дружины молодцы,
Как завидят, где Путятишна идет –
Остановятся, глязят, разинув рот.
И вдова недолго в трауре была,
С белых плеч одежды черные сняла.
Принимала разухабистых гостей.
Стала притчей во языцех у людей.
За потехи сладострастные она
За глаза была Забавой прозвана.

III

Вот однажды в город странники пришли
И на двор к Забаве мирно забрели.
Поклонилися они на терема.
Их заметила Путятишна сама.
Два калики, видит, - стары и дряхлы,
Все в лохмотьях жалких с ног до головы.
Третий – парень – знать, монашек молодой,
Как архангел, с белокурой головой.
Кудри волнами, высок, широк в плечах,
Свет небесный отражается в очах!

IV

Помутился у Забавы светлый взор.
АХ! да ОХ! да... и скорешенько во двор.
«Кто такие? Да откуда? Да куда?»
И зарделась, будто зорька молода.
Грудь упругая шелками стеснена
Чуть колыхет, как днепровская волна.
Ножки стройные в зеленых башмаках
И запястья золотые на руках.
А паломники – опешили, молчат.
Онемели, словно идолы стоят.
Будто громом, красотой поражены.
Или это наважденье сатаны?..
Снова слышат: «Кто? Откуда? И куда?»
Пилигримы стали кланяться тогда.
«Мы монахи из Печёры. А спешим
Во священный город Иерусалим»
Тут боярыня стряпуху позвала
И такое указание дала:
«Сих паломников похлебкой накорми
И вином заморским вволю угости».

V

После трапезы, усердно помолясь,
На все стороны четыре поклонясь,
Ощущая в чревах божью благодать,
Пилигримы стали песни распевать:
«Течет огненная река Иордан
от востока на запад солнца,
пожрет она землю и камень,
древеса, зверей и птиц пернатых.
Тогда солнце и месяц померкнут
от великого страха и гнева,
и с неба упадут звезды,
как листья с осенних дерев,
и вся земля поколеблется...»
Пел Касьян (так звался отрок молодой)
Оглашая двор серебряной трубой.
Щеки смуглы и румяны, ясен взгляд.
Зубы ровным, белым жемчугом блестят.

VI

Евпраксия то белеет, то горит.
Всю на юного “архангела” глядит.
И опять тихонько: ОХ! тихонько: АХ!
Вздуродражил молодешеньку монах.
“Чудно ты, прекрасный юноша, поешь,
Сладким пеньем людям радости несешь”.
Улыбнулась загадочно она.
Удалилася, достоинства полна.
На пороге повернулась кругом
И стряпухе указательным перстом
Незаметно для прохожих знак дала,
И стряпуху, будто ведьма унесла.
За дверями над служанкой разбитной
Евпраксия чуть склонилась головой,
Что-то на ухо сказала шепотком.
У стряпухи – рожа вспыхнула костром.

VII

Подошла служанка к путникам опять
И давай калик, как дьявол, увещать:
«И чего вам на ночь глядя поспешать?
А не лучше ли у нас заночевать?
На повети сена целая гора.
Почивайте себе с богом до утра.
Никуда Ярусалим не убежит.
Чай еще тысячелетья простоит.
А наутро натошак не отпущу –
И похлебкой, и заморским угощу».
«Мы согласны, - пилигримы говорят, –
Не везде так привечают и чествят».

VIII

Перед тем, как удалиться на покой,
Тайно в сени вышел инок молодой.
Из сумы достал заветный образок.
Стал молиться, по привычке, на восток.
Вдруг он слышит: пол тихонько заскрипел.
Божий инок обернуться не успел.

Глядь! – над ним служанка барыни стоит.
Полушепотом с опаской говорит:
«Как наступит ночь – к боярыне ступай,
Попадешь еще при жизни прямо в рай.
Зацелует несмышлениша она! –
А сама юлит змеей, как сатана. –
Только чур! Не вздумай тайну разгласить,
То головушки кудрявой не сносить».

IX

Евпраксия обнаженная стоит.
С умилением зорко в зеркальце глядит.
Не без гордости любит себя собой –
Дивом дивным – несравненной красотой.
Брови соболем – раскинулись вразлет.
Щечки нежные – слегка румянец жжет.
Белоснежная, с распушенной косой,
Низвергающейся лавой золотой.
Груды знойные и млеют и горят,
Будто маковки соборные стоят,
Подрумяненные зорькою в мороз,
И увенчаны бутончиками роз.
Губки алые с лукавцем в уголках.
И любовь и вожделение в глазах.
Ручки, ножки и другие тела –
Все – одно очарованье и краса!
До чего же грациозна и ладна,
Как из мрамора изваяна она!

X

Вот уж солнце опустилось за Днепром.
Тени черные окутывают дом.
Свечку малую Путятишна зажгла
И на ложе первозданном возлегла.
Благовони источают аромат.
Вежды томные чувствительно дрожат.
По стенам блуждают блики от зари.
Страсть потоком разливается внутри.
Покрывало и прозрачно и легко.
Тело белое под ним, как молоко.

Евпраксию ожидание томит.
Она станом беспокойно шевелит.
Ножка скинула таинственный покров.
На висках стучит взволнованная кровь.
Вот сейчас! Один момент! Еще один!..
И появится желанный паладин!
Но у лесенки ступеньки не скрипят.
Пилигримы на повети крепко спят.
Уже третье пропели петухи.
Вот уж в дудки заиграли пастухи.
В окна робко пробивается рассвет.
Свечка меркнет. А ЕГО все нет и нет.
«Значит так! Посмотрим!» – Барыня встает.
В гневе зеркальце ручное об пол бьет.
Кое-как принарядилась второпях.
И к стряпухе – с черным свертком на руках.

XI

«Дрыхнешь?! Спишь?!» – трясет служанку за плечо.
Та моргает и спросонку: «А?..», да «Чё?!»
«Да, проснись же, ради бога, наконец!
Где монахи?! Где безусый молодец?!»
«На повети, на повети! – Где же быть?»
«Ну, так слушай. Потрудися положить
Этот сверток в подорожную суму.
В самый низ. Ну, знаешь – иноку тому.
Чтобы шито-крыто было! Поняла?!»
«Как же, как же». И боярыня ушла.

XII

Солнце красное над степью поднялось.
Несказанной благодатью разлилось.
Легкой дымкой поднимается роса.
Раздаются божьих пташек голоса.
Пилигримы мирно троицей идут
И псалмы богоугодные поют.
Смотрят – сзади, будто тучка поднялась.
Пыль дорожная клубами завилась.
Трое всадников, – как молнии летят.
Машут копытами, отчаянно кричат:

«Эй! Вы! – Подлый, неприкаянный народ!
Так ответили на милости господ?!
Вы не избранники божие, - а тать!
Вот покажем вам, как чаши воровать!»

XIII

Стали путники креститься вразной
И божиться всем святым наперебой:
«Мы не первый год скитаемся в Руси.
Чтобы чашу взять?! – да боже упаси!
Ну, барашка... поросенка иногда...
Путал бес – случалась беда».
Но дружина их пожитки тормозит.
Скарб из сум на пыль дорожную летит.
Полетело и Касьяново «добро».
Вдруг о камень – дзинь – запело серебро.
Все застыли, - будто кто заколдовал.
А Касьян: «Не я! Помилуйте! Не брал!..»
«Ах, воруга! – крикнул старший - негодяй!
Вот тебе, – и чашей по лбу - получай!»
И другие подключились лупить.
И монахи стали посохами бить.

XIV

Вот уж всадники растаяли вдали.
Статный юноша – недвижимый в пыли.
Кровь у юноши сочится и дымит.
«Как же так?!» – монах монаху говорит.

XV

У оконца свет Путятишна стоит.
С нетерпеньем в степь далекую глядит.
До себя не допускает никого.
Ждет пред очи свои ясные того,
Кто отверг ее и милость и любовь.
“Вот посмотрим, как он выкрутится вновь?..”

XVI

Старший отрок прямо в горенку идет.
Чашу звонкую с почтением подает,
Ту, что светлый князь Владимир подарил,
Из которой сам Попович пить любил.
«Где преступник?!» – Евпраксия говорит.
«Сплоховал. Прости, боярыня – убит.
Мы легонько – так, чтоб только попугать...
Да, монахи озверели – точно тать».
«Что вы сделали?! Ведь я же вам, балда,
Приказала, чтоб доставили сюда!
Как осмели вы ослушаться, холоп?!»
Покачнулась. Обмерла. И на пол – хлоп.
Вся трясется. Стала биться и кричать.
Стала волосы распущенные рвать.
Ручки белые ломает, не щадя.
Слёзы градом, как у малого дитя.

XVII

Третью ноченьку Путятишна не спит.
Очи выплаканы. Немошна лежит.
«О, Касьян! Касьян!» – беспомощно зовет.
Вдруг ей слышится, что юноша поет:
 «Тогда солнце и месяц померкнут
 от великого страха и гнева,
 и с неба упадут звезды,
 как листья с осенних дерев,
 и вся земля поколеблется...»
«О, Касьян! Не мучай. Смилуйся. Приди!
Я прижму тебя безвинного к груди!»
Чу! Шаги в кленовых сенцах раздались.
Двери в спальню легонько подались...

С той поры, - лишь ночь опустит свой покров –
Гость гостит у ней до первых петухов.

Мертвщина

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Сатана

Черт

Комендант Ада

Демон

Леший

Водяной

Домовой

Кикимора

Баба Яга

Ведьмы

Русалки

Дьяволята

Грешник

Действие I

ДОКЛАД

Преисподняя. Стол. Трибуна. За столом сидит Сатана, за трибуной с толстой растрепанной папкой в руках стоит Черт. Все остальные толкуются в стороне, шумят, повизгивают, похихатывают.

(В сборе все действующие лица, за исключением Грешника).

Черт

Кончай базар! Прошу немедля сесть!

(Все усаживаются на пол, толкаются. Каждый старается занять первый ряд.)

Все по местам! По рангу и по чину.

(Наконец, все уселись).

По порученью я имею честь

Открыть собрание – то бишь чертовщину.

Повестка дня, регламент Вам даны.

Давайте утвердим. Кто за?

(Все поднимают руки).

Прекрасно!

Кто против?

(Рук никто не поднимает).

Воздержался, слуги тьмы?

(Рук никто не поднимает).

Отлично! Умники! Единогласно.

Итак, злодеи – дамы, господа!

На мерзкий шабаш, собранный сегодня,

Из всех углов пожаловал сюда

Весь черный цвет Геенны Преисподней:

Лохматый Леший, Демон, Домовой,

Баба Яга, Кикимора Кривая,

Русалки, Черти, Ведьмы, Водяной

И нечисть подземельная другая.

Вот полный список!

(Трясет бумагой).

Надо ли прочесть?

Составлен он в порядке самом строгом.

Голоса

Не надо... Верим...

Черт

В общем, кворум есть.
Тогда начнем, как говорится, с богом
Пардон! Тьфу, Адский Дух! Попутал враг.
Быть может, ситуация случайна...
Но в оно время, вспомним, точно так
Попутал Хазбулатова Руслана.
Вот и меня – ну прямо занесло.
А все идеология слепая.
Уж сколько лет?! Нет – тысяч лет прошло,
Когда нас вкупе выгнали из Рая
В Кромешный Ад, однако, до сих пор,
Хоть и враждуем мы с Пречистым Раем,
И не стихает наш идейный спор,
А Господа нет-нет, да вспоминаем.
Так на трибуне «бывший» иногда
В азарте политическом займется,
Любезно стелет «Дамы... Господа...» –
И вдруг, как гром: «Товарищи!» – сорвется.

Леший (вскакивает с пола, отталкивает от трибуны **Черта**, кричит на него).

Кончай травить! Завел, как Горбачев! –
Ни мысли, ни вопроса, ни ответа.
Регламент наш – до первых петухов,
А этак ты протянешь до рассвета.

Черт (стаскивает **Лешего** с трибуны, толкает его).

А ну, с трибуны! Тоже мне – залез!
Ишь, посмотрелся телика, дубина.
Здесь шабаш! А не Дума и не Съезд, –
Должны царить Закон и Дисциплина.

(**Леший** усаживается на свое место. Собравшиеся беспокойно возятся, шумят).

Черт

А ну, умолкли!
(Все стихает).

Слово Сатане
Для клеветы. Тьфу, Леший! Для доклада.
(К **Сатане**).

Вам сколько времени?

Сатана

Пожалуй, мне...
До первых петухов как раз и надо.

Черт

Так, принято. Валяйте.

Сатана

Господа!
Начнем обзор с семнадцатого года.
Он роковой. Все помните, тогда
В стране была большая непогода.
Леса знамен во всех концах Земли,
Как чешуя змеи, зашелестели.
И мы из Ада скопом поползли
На божий свет из каждой черной щели.
И началось! Пошел на брата брат.
Отцы - в детей, а дети - в них стреляют.
Повсюду кровь и головы летят.
В грехах и муках люди погибают.
Иди себе, куда глаза глядят.
Твори злодейство собственной рукою.
Нигде тебя крестом не осенят.
Никто не окропит святой водою.
Попов, дьячков и прочих слуг небес,
Как крыс на пароходе, истребляли.
На Соловки, в ГУЛАГи, под арест
И прямо в Преисподню отправляли.
О, славный миг! Мы были на коне!
Везде свободно ересь насаждали.
Людишки предавались Сатане.
О! мы тогда зело торжествовали.
Во всех церквах, во всех монастырях
Свои порядки мы установили.
Играли в карты прямо в алтарях,
Курили, пили, с Ведьмами шалили.

(В сторону).

Так, что тут дальше?

(Роется в бумагах. В сторону).

Да вот.

(К собравшимся).

Господа!

Начнем обзор с семнадцатого года.
Он роковой. Все помните, тогда
В стране...

Водяной (вскакивает с места).

Постой!

(В сторону).

Чертовская порода!

Да ты же этим начал свой доклад.
Какого ж Черта снова повторяешь?!
Об этом, кстати, каждый демократ
Кричит везде, - газеты не читаешь?

Сатана (на Водяного).

Ну, ну! Водянка! Тоже корифей!
Тут секретарши промах допустили.
Две Ведьмы в канцелярии моей

(Трясет бумагами).

И обе по докладу положили.
Я их, конечно, строго накажу.
У них мозги на сексе помешались.

(Обе **Ведьмы** среди собравшихся. Они прячутся за спинами впереди сидящих).

Но казусы такие, доложу,
И с Леонидом Брежневым случались.

(Прервался. Суетливо роется в бумагах. Явно пытается найти нужный лист. Собравшиеся засуетились, зашумели).

Так, успокойтесь! Сейчас найду.

(В сторону).

Тут Черт с огнем и тот сломает ногу.

(Оглядывается во все стороны).

И секретарш не видно на беду.

(К собравшимся, радостно).

Все, все! Спокойно! – вышел на дорогу.

Летели дни счастливые, года.
Десятки лет безоблачно минули.
И вот...

Дьяволенок (с места)

Какого ж Черта вы тогда

Опять все вверх ногами повернули?!

Сатана

Молчать, щенок! Тебе ли поучать
И с глупыми вопросами соваться?!
Но вот мы начинаем замечать,
Что люди стали снова обживаться.
У всех обиды старые прошли.
Народы породнились понемногу,
Один язык в сношеньях обрели
И стали вновь помаливаться Богу.
Переженились – Черт не разберет:
Где русский, где узбек, якут, чеченец...
Никто и никого не назовет:
Там жид, или хохол, или туземец;
А все – товарищ, брат, сестра, кунак.
И ни вражды, ни зависти не знают.
И учатся, и лечатся за так.
Все трудятся и вместе отдыхают.
Застой и благодушие везде...
А если где порядки нарушают –
Парткомы, профсоюзы, МВД
Мозги заблудшим быстро поправляют.

Дьяволенок

И поделом вам. Действовать должны!

Сатана

Цыц, мелюзга! Да, чей же ты, враженок?

Дьяволенок

Да твой. От восемнадцатой жены.

Сатана

Недаром прыткий. В батьку, Дьяволенок.
Так, повторяю, стали замечать,
Что мы большого маху допустили.
Ан, нет, шалишь! И начали качать
Устои. Перестройку заварили.

И затрещал, и пал социализм!
Союз в мгновение ока развалили.
И лозунги: «Даешь капитализм!
Вперед – назад – на Рынок!» – объявили
Все повторилось. Стон и кровь в стране,
Раздор, и смерть, и голод возродили.
Процесс пошел! О, слава, слава мне!
О, слава! Слава! Всей Нечистой Силе!

(За сценой запели петухи. Все дружно закричали: «Петухи... Петухи... Регламент...
Кончай шабаш! Петухи... Петухи...» Расходятся).

Конец 1 действия

Действие II

ВЫСТУПЛЕНИЯ

В том же составе

(Все усаживаются по местам, толкаются. **Сатана** и **Черт** за столом).

Черт

Итак, продолжим. Живо по местам,
Жрецы подземной огненной стихии.
Сегодня предстоит заслушать нам
Отчеты, так сказать, с периферии.
Представим слово Лешему.

Прошу.

(**Леший** мнется, выходит, виновато оглядываясь).

Да, ты, никак, Лохматый, Растерялся?
Или забыл, позволь тебя спрошу.
Как прошлый раз к трибуне прорывался?

Леший

Не растерялся я. Да, что сказать?!

Черт

Ну, как? Кого блудили да пугали
Вы с Лешачихою?

Леший

Да где пугать?

Вы что, в лесу давненько не бывали?!
Не лес, а слезы. Каждый божий день
Его, как всю Россию, истязают.
Идут и рубят все, кому не лень.
В Москву да за границу отправляют.
Одни кусты, коряги, сучья, пни –
Ну, где уж тут прикажете пугаться?!
Ну, ладно ночь, а в солнечные дни
Самим со старой некуда деваться.
А в лес-то едут все на тракторах
Да с пилами: то с «Дружкой», то с «Тайгой».
Не то, чтобы пугать... Великий страх

На них самих смотреть, не скрою.
Весной и летом, правда, иногда
На «Жигулях и «Волгах» приезжают
Компаниями, с дамами всегда,
И все коньяк да водку распивают.
Так у парней, что гири, кулаки.
Я попытать их как-то попытался –
Ну, прямо озверели мужики.
Вот посмотри...

(Показывает **Черту** зубы).

без трех зубов остался.

Черт

Садись, садись несчастный. Срам какой!

(В сторону).

На этой кляче в Рынок не заедешь.

(Смотрит в бумаги).

Так... Кто тут дальше в списке?

Водяной.

Ты тоже напролом к трибуне лезешь.

Давай, докладывай.

Водяной

И доложу!

Я должность не напрасно занимаю.

Не как вон тот...

(Мотнул головой в сторону Лешего и показал ему язык. Леший сконфуженно отвернулся).

Без дела не сижу

Свои дела с усердием справляю.

Моих трофеев всех не перечесть.

Еще с далеких лет – с до нашей эры

И серебро, и золото тут есть,

И драгоценных яхонтов галеры,

Со всей земли и всех веков суда

Любого типа и любого вида,

И замки, и дворцы, и города,

И даже голубая Атлантида.

А сколько в недрах сумрачных морей

Кораллов нежно- и пурпурно-красных,

И солнечно-смолистых янтарей,

И раковин причудливо-прекрасных,

Дремучих трав, диковинных камней,
И жемчугов прелестно-разноцветных,
Гигантских змеев, сказочных зверей,
Наяд и рыб, и чудищ несусветных?!
Но всех богатств никто не может знать.
Давно потерял счет бесценнымкладам.
К тому ж, воруют их, должно сказать –
Об этом я не первый раз с докладом.

Черт

Не первый раз?! Вот то-то и оно.
Очередная, так сказать, потуга
Устроить фарс. Твердишь, твердишь одно.
А в чем твоя тут, собственно, заслуга?!
В одном ты, несомненно, преуспел:
По части воровства и махинаций.
Да брюхо непотребное наел
Под тенью плутовских прихватизаций.
А где дела?! Ну, сколько кораблей
Или других судов на дно отправил?
И сколько с ними праведных людей?
И сколько душ безвинных в Ад доставил?

Водяной

Ты что, Нечистый, разве позабыл
Про сорок первый год и сорок пятый?!
Да я в то время столько потопил!
Аж жутко самому...

Черт

Постой, проклятый.
Куда хватил?! Что было, то прошло.
И те архивы древние пылятся.
Забыто все и быльё поросло.
Пора бы снова делом заниматься.

Водяной

Да я и так. Стараюсь в меру сил.
Мои дела известны всем и всюду.
Подлодку «Комсомолец» затопил.

(Загибает палец на руке).

Паром «Эстонию» и прочую посуду.
В морях и реках воды тормошу.
Кручу, верчу тайфуны да цунами.
О скалы бью и в щепки разношу
Шаланды, шхуны, лодки с рыбаками.
А души в Ад несчастных доставлять?..
Помилуйте – то не моя забота.
Моя – топить, а не сортировать.
А та – Чертей, да Ангелов работа.
А где, скажи, условия труда?!
Ты знаешь, экология какая
В морях и реках? Грешники туда
Всю дрянь сплавляют, всю не разбирая.
У берегов – дерьмо, мазут да нефть.
На дно морей и вовсе страшно лезти, –
Кругом контейнера, а в оных – смерть.
Снаружи знаки: черепа да кости.
Старуха как-то пару лет назад
К такому ненароком прислонилась,
Так от нее и молнии летят,
И вся, как ясный месяц засветилась...

Черт

Все, все! Садись!

(**Водяной** с обидой взглянул на председательствующего, потом на присутствующих, как бы ища защиты, и медленно покинул трибуну).

Бахвалиться горазд.

(К собравшимся).

А не унять – такое наболтает!..

Любому демократу фору даст.

(Смотрит в бумаги).

Так... Следующим?..

Демон выступает.

Прошу к трибуне.

(**Демон** как-то с опаской подходит к трибуне).

Ну, давай, милоч.

Поведай нам сердечные порывы.

Сколько безвинных в сети ты завлек?

И сколько душ занес в свои активы?

Демон

Ну, что сказать?! Табак мои дела.
Не уберег я чувственного жара.
Последней жертвой, помнится, была
Княжна – дочь славной Грузии Тамара.
Я к ней любовью пылкой возгорел.
И в этом ей безумно, страстно клялся.
Уже душой и сердцем овладел,
Но Ангел на пути моем попался.
Я много лет мучительно страдал.
Она была достойнейшая пара.
С тех пор я женщин долго презирал
Моим умом владела лишь Тамара.
Летело время. Чувства улеглись,
Я снова встретил юную «Венеру».
Из пустоты веков вернулся в жизнь.
И вновь обрел любовь, страданье, веру.
Воспрянул духом я. Возликовал.
И, упоеньем сладостно томимый,
Уже блаженство живо предвкушал.
Запел я ей свой стих неотразимый?
«Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе все, все земное –
Люби меня!..»
Моя любовь поморщилась сперва,
Потом сказала: «Слышала когда-то
Сии помпезно-наглые слова.
По-моему... посулы депутата?..»
О, козни неба! Я оторопел.
Она ж: «Нет, Пушкин? Нет, Жуковский? Или...
Постой, постой! – и мне – Уразумел?
Да, Лермонтов же! В школе проходили».
И вновь ко мне: «Ты что пришел – болтать?!
Балдеть?! Или в расчете на халтуру?!
Или стишки банальные читать?
Или преподавать литературу?!
Довольно рассыпаться о пустом.
«Лимон» на стол! – «Венера» продолжала.
Или гуд бай!» – И холеным перстом
Входную дверь эффектно показала.
В пылу страстей, отчаянья тогда
Я б жертву упустил свою едва ли.

(К председательствующему. Кричит).

Но деньги где?! Ответствуйте! Когда
Последний раз зарплату выдавали?!

Черт

Садись! Садись!

(К собравшимся).

Как бешеный орет.

Несчастный псих - приличия не знает.

Ему на бабах в жизни не везет,

Так он на нас, безумный, зло срывает.

Сейчас сюда...

(Показывает на трибуну).

Прошу на пару слов

Русалочку

(Русалка с ребенком на руках выходит и с опаской направляется к трибуне. Из-под одежды у ребенка виднеются голые ножки).

Дабы нам сообщила

Сколько зашекотала молодцов

(Игриво показывает рукой, как она шекотала).

И в царствие Нептуна заманила.

Русалка

Ну, как же. Я, конечно, шекочу.

Уж третий год, как только взрослой стала.

И так я их и этак, как хочу.

Каких красавцев перешекотала!

А год назад один чудака попал.

Ну, от меня ему уж и досталось!

Ох, хохотал! Ох, как он хохотал!

Я и сама до слез ухохоталась.

Шутя несла обязанностей груз.

Вернее, к ним я даже пристрастилась.

Все шекочу... И на тебе! – конфуз, –

Моя дочурка с ножками родилась.

(Все хохочут).

Черт

Как с ножками?

(Снова все хохочут).

Вот, рыбонька, дает!

Русалка с ножками?!!!

(Снова смех).

Такое ж надо!

Ну, знаете! Не шабаш здесь идет –
Черт знает что! – Сплошная клоунада.
Садись, садись!

(Русалка сконфуженно покидает трибуну).

До коликов смешно.

Повеселила общество отлично.
Подобных сцен не видели давно.
О! если бы так не было трагично!
Ну, ну и кадры! Бес бы их побрал.
И этот жалкий сброд – номенклатура?!
Никто работать ревностно не стал.
Везде одна, поистине, халтура.

(Сердито машет руками).

Все, все! Конец! Довольно выступать.
Уж больше нет ни силы, ни терпенья.
Что заварили – то бы расхлебать.
Давайте с мест вопросы, предложенья.

Домовой

(Подымается с места. Выходит немного вперед. К президиуму).

Вот Вы в Аду. Вам страшно повезло.
И сыты Вы и шибко не устали.
В Аду огонь – и сухо, и тепло.
А кроме Вы где-нибудь бывали?
Видали, как живут на этажах,
Как я и мне подобные страдают?
Зимой в мороз в общественных домах
Порой краны и трубы замерзают.
А где спастись от стужи? Чуть живой
За батарею спрячешься, бывало,
Сидишь, уткнувшись в угол бородой,
А хватъ – ее к железкам приковало.
А о харчах... незнамо что сказать.
Уж сколько лет – с начала перестройки
Одно желанье – досыта пожрать.
Хоть вой, как пес, и шастай на помойки.
А в оно время – с прозвищем Застой –
Что было яств: солений и копчений
В моем дому!.. Все дешево...

Черт

Постой!

А как насчет свободы выступлений?!
А разве кто свободно бастовал –
Как нынче?! Ты посмел бы попытаться?

Домовой

Нет – я не бастовал и не болтал.
Да и зачем мне было задираться.
А ежели никто не выступал,
Знать, не было причины и охоты.
Любой зарплату в сроки получал,
Не голодал, не шлялся без работы.
Не знали мы, что значит терроризм.
Коррупции и рэкета не знали.
С надеждой шли дорогой в коммунизм.
А честных граждан – власти защищали.
Чего скрывать – случалось и тогда –
И зло и недовольство выражали.
Так то, по большей части, господа,
Что власть, рабов да совесть потеряли.

Черт

(К собравшимся, раздраженно).

Ну и сморчок! Усы да борода.
Веками у лежанки отирался,
Не вылезал из дому никуда
И вдруг «прозрел» – в политику подался.
А ты Крылова басню* не слышал
О пирогах да сапогах? Похоже
Не слыхивал.

Домовой

Нет, слышал и читал.
Но я читал и про кухарку** тоже.

* Басня И.А.Крылова «Щука и Кот», которая начинается так: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник...»

** Имеются в виду слова В.И.Ленина о том, что каждая кухарка должна участвовать в управлении государством.

Черт

Чего ты хочешь?!

Домовой

Я сказал уже.

Черт

Конкретно, что?

Домовой

Да, чтоб мы сыты были,
И чтоб в домах на каждом этаже
По русской печке бы установили...

(Все хохочут).

Потом...

Черт

Все, все! Остынь, паршивый Гном!

(Домовой обиженный покидает трибуну).

Есть ли еще вопросы? Предложения?

Кикимора (с места)

Конечно есть. Беда одна кругом.

И у меня не лучше положение.

Второй этаж. Хрущевский дом. Семья

Из «старых» русских. А в квартире

Пять человек, собака, кот да я –

А комнатка – шесть метров на четыре.

Не знаешь, где присесть - не то что лечь.

Самим жильцам с пропиской места мало,

Куда тут нам! Добро была бы печь

А где она?! – Ни печки, ни подвала.

Жилье, жилье! Ну, сколько можно ждать?!

А разрешить проблему можно с ходу:

На этажах подвалов накопать –

И снять вопрос к двухтысячному году.

(Все смеются).

Черт

Ха, ха! Ха, ха! Одна белиберда.
Да тут, братва, со смеху сдохнем все мы.
Пора кончать. Согласны, господа?

Баба Яга

(Вскакивает с места).

Нет, не пора! Пока свои проблемы
Не выскажу – я с места не сойду.

(В президиуме улыбаются).

Вам все смешно! Вы весело живете.
Прав Домовой – Заелися в Аду,
А нам и слова молвить не даете.

Черт

Да кто же против?!

Баба Яга

Все мы сознаем
И говорим везде, и верим, вроде,
Что на базар – тьфу, Черт – на рынок прем...
И что двадцатый век уж на исходе,
А я живу, как в древности жила:
Все в той же ветхой старенькой избушке.
И ни воды, ни света, ни тепла,
Ни радио, ни газа у старушки.
Кругом зверье, да стай воронья.
В избушке дверь и печка развалились.
Окно – с кулак и то из пузыря,
А курьи ножки – вовсе подломилась.
Или другой вопрос. Ответьте мне:
Такие вещи где еще бывают,
В какой цивилизованной стране –
Верхом на ступе женщины летают?!
А ступа древней древности древней.
У ней живого места не осталось.
Музейный экспонат! Еще на ней
Моя прапрапрабабушка каталась.
Сейчас, коли решишься на полет
На этом ископаемом приборе –

Летишь и ждешь: когда же упадет,
Как лайнер «ТУ» в хабаровском нагорье.

Черт

Любезная, не кажется ли Вам,
Что Вы от темы несколько отбились?!

Баба Яга

Не кажется. И рот заткнуть не дам!
Пардон, мосье! Напрасно потрудились.

Черт

Мерси, мадам. Извольте продолжать.
Лишь бы о деле. Я не запрещаю.
Конкретно что-то надо предлагать.

Баба Яга

А я, как раз, конкретно предлагаю:
Построить дом с антенной да с трубой,
С удобствами со всякими, с забором,
С редуктором, под крышей жестяной
И чтоб вращался электромотором.

(Все смеются).

А вместо ступы – дайте вертолет,
Взамен метлы – «калашникова» дайте.

(Снова смех. **Баба Яга** садится на свое место).

Черт

Ну, понесло!.. Куда бабуля гнет!
Ох, прожектер!

(К **Бабе Яге**).

Не вредно – помечтайте.

(Из-за кулис несутся голоса петухов. Все вскакивают с мест, кричат: «Петухи!... Петухи!... Все!.. Все! Кончай! Петухи!»).

Конец II действия

Действие III

ЭКСКУРСИЯ В АД

На верху вывеска «Ад». На сцене большой котел. Под котлом – зола и немного потухших углей. В котле **Грешник**, его голова, руки, ноги наверху – не вмещаются в котел. **Грешник** тихо постанывает. На сцену выходят все участники шабаша. Впереди – **Сатана**.

Грешник (увидев их, закричал)

Огня!.. Огня!.. Ну, дайте же огня!
Простите, зад ко днишу примерзает.
Уж пятый год морозите меня.
А на рекламе – Ад в огне пылает!
А где смола? И сера не чадит.
А на земле с пеленок нам внушают:
В Аду жара, смола в котлах кипит,
И в оных души грешников купают.
Везде обман! Везде один обман!
И здесь успели, все поразмотали.
Но я не олух Вам и не болван –
Свое возьму, не на того напали!
Я покажу! Я Вам устрою Ад!
В Партком! В Профком я жаловаться стану!
Я!.. В «Русский Север»!.. Прямо в «Авангард»!..
Тогда ужо! – поклонитесь Ивану.

(**Грешник** бессильно опускает голову и руки. Тихо стонет).

Сатана

Где комендант?! Позвать его сюда!

(Собравшиеся заоглядывались, засуетились. Двое подхватили под руки одного из чертей, находившегося среди них – Коменданта Ада и вытащили перед Сатаной).

А ну, ответствуй! Что здесь происходит?!

Где уголь?! Где смола?! Дрова?! Куда,

Куда все это, вражий сын, уходит?!

Комендант Ада

(Раскрывает держащую в руках папку).

Ну, как, куда?.. Все кончилось. Для Вас

Вот у меня отчеты и доклады:

В воскресный день топили и не раз.

В День Беловежско-Пущинской триады.

До выборов неделю. Наконец –
В дни штурма большевистской цитадели
И Вашего рождения...

Сатана (в сторону)

Шельмец!

(Заглядывает за кулисы – там дрова. Ногой выпинает их на сцену).
А это что?!

Комендант Ада

Тут мы предусмотрели.
Вдруг в Ад какая шишка попадет,
Так мы ее – раз-раз и подогреем.

Сатана (в сторону)

Каналья! Вор! Подлец! А складно врет.

Комендант Ада

Уж, положитесь, опыт мы имеем.
Конечно, днесь не радужный Застой –
Всего в обрез. Бюджет у Ада скромный.
И то сказать – период не простой:
Что ни на есть – он самый переломный.
Угля в Аду не видим скоро год.
Десятки шахт в стране позакрывали.
На то Указ...

(Сует Сатане под нос бумагу и показывает пальцем).
Печать и подпись вот.

Сатана (отмахивается)

Да, знаю, знаю!

(В сторону).

Изверг!

Комендант Ада

И едва ли
Поступит он. Бастует весь Кузбасс.
Ростов и Воркута не отгружают.
Шахтеры касками фокстрот да джаз

В Москве заместо угля отбивают.

Сатана

Работать надо! Мелешь разный вздор.
Тогда бы нефтью, газом бы топили.

Комендант Ада

Так ведь они транзитом за бугор
Текут.

Сатана

На месте дров бы закупили.

Комендант Ада

На что купить, не скажете ли, дров?
Не то что средств – статьи в бюджете нету.
А цены на базаре – будь здоров!

Сатана

Кончай язвить! Слыхал я песню эту.
Ну, а смола?

Комендант Ада

Кто станет гнать сейчас?..
Кому в грязи валандаться охота?
Другое дело жвачки, «Сникерс», «Марс»!
Доходная и чистая работа.

Сатана

Дела-а?!
(В сторону).

Куда нас к черту занесло?!
Развал и ложь кругом! Дофлиртовались.
И выборы подходят, как назло,
И коммунисты снова оклемались...
(За кулисами поют петухи. Все кричат: «Все! Все! Конец! Регламент!»)

Конец III действия

Действие IV

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В том же составе.

Сатана

Друзья! Прошу! Садитесь по местам
(Собравшиеся шумно рассаживаются и успокаиваются).

Все высказались вволю на активе.
Теперь пора подбить итоги нам
И кое-что сказать о перспективе.
Не легок путь, которым мы идем.
На нем преград и трудностей не мало.
Но только мы с дороги не свернем.
Вперед – назад, во что бы то ни стало!
Не мало было сказано речей
И предложений об устройстве Ада,
На счет домов, подвалов и печей,
О вертолете... Все продумать надо.
Но и сейчас предельно ясно мне,
О чем авторитетно заявляю, -
Задачи все реальные вполне.
Я их решу! Клянусь и обещаю.

(Выкрики с мест).

Первый голос

Но как решить, когда кругом развал?!

Второй голос

Одни долги...

Сатана

Да, трудности – не скрою.
Но выход есть! Я все обмозговал.
И карты вам немного приоткрою.
Во-первых Ад! Каких нам стоит сил
И сколько средств съедает эта зона?!
Одни убытки с ним. И я решил:

Под молоток его – с аукциона!

Первый голос

Да, кто же купит?

Второй голос

Кто его продаст?

Сатана

Я и о том подумал, между прочим.
Есть человек! И это сам Чубайс!!!
Он не такими дельцами ворочал.

(Выкрики с мест).

Первый голос

Ну, Сатана?!

Второй голос

Силен!..

Третий голос

Вот это да!..

Четвертый голос

Не слыханная до сих пор афера!

Сатана

Но это так, по сути, ерунда.
Еще не то узнаете вы скоро.

(Голоса с мест).

Первый голос

А что же?..

Второй голос

Не томите...

Третий голос

Что нас ждет?

Четвертый голос

Какой сюрприз?..

Сатана

От вас скрывать не стану
Задумал провести Трубопровод
В Америку!.. Прямой!.. По океану!!

(Голоса с мест)

Первый голос

По океану?!

Второй голос

Шутка ли сказать!..

Третий голос

В Америку?!

Домовой (с места)

На кой нам это сдалось!..
Что по нему намерены качать?
Что на Святой Руси еще осталось?!!
Ее и так сосут со всех сторон.
И нефть, и газ, металлы, и алмазы.
Все, все летит, как в прорву – за кордон...

Сатана

Смутьян! К чему беспочвенные фразы?!

Не надо в пекло раньше батьки лезть.
Россия не останется в убытке.
Поверьте мне – для заграницы есть
Товар – и нам не нужный, и в избытке.
Ну... как бы деликатней разъяснить?..
Кто Гоголем когда-то увлекался,
Тот Чичикова помнит, может быть?
Вопрос – чем сей пройдоха занимался?

Четвертый голос

Известно чем. Он души закупал
Усопших, разъезжая по приходу.

Сатана

Вот именно! И множил капитал.
А если их – да по трубопроводу?!

(Голоса с мест)

Первый голос

Кого – их? Души?!

Второй голос

Дикость!..

Третий голос

Ну и Бес!

Четвертый голос

По трубам?.. За границу?!!

Пятый голос

Дерзко! Смело!

Шестой голос

Какой кошмар! Однако ж и прогресс!

Сатана

Нам предстоит освоить это дело.
И мы освоим! Только время дай!
Счастливы присно будут и потомки.
Эх, заживем! Тогда лишь успевай –
Зеленые упрятывай в котомки.
А душ в Аду!.. Что на капусте тли.
И с каждым днем все прут, все прибывают.
Да и людишки не ахти пошли –
Как мухи на морозе подышают.
Вот он – неиссякаемый поток!
Тогда возьми нас голыми руками!
Пред долларом и Запад и Восток
Подымут шляпы! – Разумеете сами:
Со всей земли, со всех материков
Польются к нам лавиной наслажденья:
Консервы, «Сникерс», «Вискас» для котов,
Эротика, другие развлечения:
«Дирол», бальзамы, виски – прочий смак;
Шампунь, помады, кремы и игрушки;
Средства от мух, клопов, прыщей; табак,
Подгузники, тампоны, финтифлюшки
И всякая другая благодать!
И адский труд навеки отпадает.
Тем паче – Ад решили продавать,
А с ним и производство исчезает.
Вернее – что осталось от него.

(Голоса с мест).

Первый голос

Ну, насмешил! Выкидывает штуки...

Второй голос

А мягко стелет...

Третий голос

Слушайте его.

Четвертый голос

Ох, и шутник! С ним не умрешь от скуки.

Пятый голос

Утопия!..

Шестой голос

Хрущевский коммунизм!..

Седьмой голос

Да это ж - миллиардные затраты!

Восьмой голос

Маниловщина!..

Девятый голос

Мюнхаузенизм!..

Десятый голос

Мечты... А денег нет и для зарплаты.

Сатана

Все?! Нашумелись!.. Можно продолжать?..

И в этот раз я тайну приоткрою.

Я так решил – для стройки ссуду взять.

(Голоса с мест).

Первый голос

Где?..

Второй голос

У кого?..

Сатана

У Клинтона – не скрою.

(Голоса с мест).

Первый голос

В Америке?!

Второй голос

Но, Клинтон разве даст?!

Третий голос

Не даст!!!

Сатана

Не нагнетайте обстановки.
Без паники. Возьмем – не в первый раз.
Есть кадры специальной подготовки.
Они ужом на пузе поползут,
Библейским Змеем в три кольца совьются,
И, «между делом», бомбой припугнут;
И в дружбе поклянутся, но добьются!
Друзья! Вопрос, считайте, что решен.
Конечно, есть проблемы и иные,
Но все-таки – главенствующий он.
Пока возьмемся за очередные.
Вопрос ближайший, да и основной
О выборах. Здесь нечего лукавить –
Опасно! Оппоненты жмут стеной,
А как и что им противопоставить?

(С мест).

Первый голос

А Вы бы пенсии...

Сатана

Да, добавлял

Второй голос

Зарплату бы шахтерам...

Сатана

Обещали.

Третий голос

А если критику...

Сатана

Заданье дал

Да и боюсь, чтоб не переиграли.

А то она, порой, как бумеранг, -

Такие парадоксы мне знакомы...

Черт

Тогда зачем идти на риск ва-банк?!

Раз так – отменим выборы! А что мы,

Причины не найдем?! Не убедим?!

Чечня-де... Напряженье... Обстановка...

Или другую кашу заварим...

Сатана (в сторону)

Ну, Дьявол! Мысль чигает! Ловко!

Черт

К тому же те, которые орут,

Не верят, антимононию разводят, -

Из «принципа» и к урнам не придут.

Да и итоги люди же подводят?

Сатана

И все же, вдруг, как было, захлестнет

Державу большевистская стихия?!

Тогда куда нас к Черту понесет?!

Считай, ушла из наших рук Россия.

Опять в стране репрессии пойдут:
Они же всех воров пересажуют!
И пьяницам покоя не дадут,
И на работу всех повыгоняют.
Тогда капут! Без пьяниц и воров
Россия – не Россия! Надо помнить.
Но если воля масс... то я готов
Любые ваши помыслы исполнить.

Баба Яга (с места)

Любые?.. А «калашников»?..

Сатана

Куплю.

Кикимора (с места)

А как насчет подвалов?..

Сатана

Накопаю.

Демон

А что с зарплатой?

Сатана

Выплатить велю.

(Голоса с мест)

Первый голос

Ну, а –а...

Сатана

Решу.

Второй голос

По части...

Сатана

Обещаю.

Леший (с места)

Но помнится, что ты и в прошлый раз
Вот так же обещал, и так же клялся,
Что если наш не выполнишь наказ –
На рельсы ляжешь!

Сатана

Я не отказался,
Но не разумно было бы спешить
Зимой. Да это ж – насморка угроза!
Я полежу – извольте притащить
Их вот сюда –

(Показывает пальцем на сцену).

Но, чур, без паровоза!

(За кулисами кричат петухи. Сборище молчит).

Конец IV действия

СОДЕРЖАНИЕ

«Тебе, читатель просвещенный...»	4
За Шebuнихой токуют глухари	6
Приходи на мельницу	7
Никольская лирическая	8
Романс	9
Поцелуи наши отзвенели	9
Отшумели весенние грозы	10
«Летят перелетные птицы...»	11
Ненаглядный мой	12
«Что ты, милая девочка, что ты...»	14
Рыбачка	15
«Расскажи, Саидахон, откуда...»	16
Ты не скажешь, Колька	17
Это было в семьдесят девятом	18
Кипел прибой у скал прибрежных	18
Прощальный вальс	19
«Что стоишь, изваяние?!.»	20
Не забудь этот день, не забудь	20
Тихо ночь кружится	21
«Напрасно сердце ждет...»	22
Что же происходит?	22
Я не таю к себе презренья	23
С Новым годом!	24
Что ты плачешь, моя неутешная	24
Итак, любовь!	25
Соловей	26
Послание Никольску	27
«Спасибо, друг, спасибо. Узнаю...»	28
Сердцу моему	29
Колька Лукшин	30
«Слушай, Никола, слушай!...»	31
Прощай	32
Осень	32
В этом... только Вечер виноват	33
По тебе я скучаю, дом отчий	34
Маме	34
То-то, не видать его давно	35
«Пресвятой отец»	36
Новогодние сны	37
Молитва	40
А кто же новоявленный «Сусанин»?	41

Ложь и правда	41
Пока...	42
Рысак	42
Барс	43
Прощание с хутором	44
Авторский вечер	45
Возвращение	48
Пошел	50
Наши нравы	51
Тайна жизни	54
И снова «бой»	56
На 120-летие Никольской библиотеки им.Г.Н.Потанина	57
«Пролетайте, безумные годы...»	58
Гаревица	58
«В долине горной под скалой...»	59
«О, Господи! Ты властен надо всеми...»	59
Встреча с хутором	59
На могиле поэта	61
Гимн клуба «Земляки»	62
Памяти Сергея Дурягина	63
Ответ:	64
1. «Пардон, дружище! Что с тобою?!.»	64
2. «Ну, ну! Старик, не пузырися!..»	64
Дарственная надпись на книге	65
Люди! Защитите чудо-жизнь!	65
А как же не придет	66
День Победы	68
Зееловские высоты	69
Зубом не проверишь сталь	72
Что грустишь, боевой старшина?	72
Казино	73
Маэстро	74
Видение	77
СЕРЕБРЯНАЯ ЧАША (поэма)	83
ЧЕРТОВЩИНА (пьеса в стихах)	91

Александр Михайлович Лешуков

ОТКРОВЕНИЕ

Стихи. Поэма. Пьеса.

Авторская редакция.

Художник Н.Черкасова

Тираж 950 экз.

Вологда

«Евстолий»

1998